

СМЕНА

17

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РОДНОЕ МОРЕ

Слова Вадима СЕМЕРНИНА.
Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Едва взойдет над гаванью заря,
корабль наш поднимает якоря.
Вода вскипает, вспенена винтом,
морян о море думает родном.

Прилов:

Море! Крутая волна высока...
Море — вторая душа моряка.
И можно грустнить,
можно сумрачным быть,
но море родное нельзя не любить!

Уже волна с размаху бьет в борта.
Все дальше след уходит от винта.
Встает рассвет за дальним маяком,
моряк о море думает родном.

Опять вернулись в гавань корабли.
Занялись огни приветливой земли.
Но чайка вдруг сверкнет вдали
крылом,—
моряк о море думает родном!

Море! Круглая волна высока...
Море — вторая душа моряка.
И можно грустить,
можно сумрачным быть,
но море родное нельзя не любить!

СЛОЖНО. Плавно
Ед.
— вѣмътъ наѣ гавно вѣ, — хо-рии кѣи переношъ я. хо. рѣ. Во. да вск. тѣ. от. вѣнчаны вѣ
Брилль
том, мо. рак о мо. ре ду. ма.т ро.ни. Мо-ре! Крутия волна высо.ка...
гл. вѣнчаны
гл. а бѣро
Мо-ре — втора и ду.ша моринка. И мож-но грустить, мож-но
сиряч-камъ быть, но мо-ре род-ное не нельзѧ не любить!
1. а.
сиряч-камъ быть, но мо-ре род-ное не нельзѧ не любить!
рѣ.
 Но море родно.. е нельзѧ не любить!
дим.

— Эх! И завидую я тебе, Миша!
Фото М. Муразова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Сентябрь. № 17. 1957 год.

Год
издания
34-й

— Смелее! — говорит своему гладелупскому другу украинский тракторист. — Садись вот сюда, бери в руки руль. Смелее!

ЦЕЛИННИКИ ПРИНИМАЮТ ГОСТЕЙ

К олхозный Дом культуры на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке — лишь образчик сотен подобных домов, построенных во многих новых колхозах. Зарубежные гости, очевидно, чутко ли не чуяли: неужели эти просторные, светлые залы предназначены для обыкновенных крестьян? Но истинные друзья не удивляются, они верят: в Советской стране, где все принадлежит трудящимся, так и должно быть.

Поэтому, входя в Дом культуры, один с удивлением и даже некоторым недоверием осматриваются по сторонам, другие же деловito направляются туда, где ждет их самое интересное — встреча с хозяевами. Сегодня хозяев колхозного Дома культуры — целинники. Это они привезли молодых крестьян, студентов сельскохозяйственных вузов — участников фестиваля — и всех желающих на дружественную встречу.

Целинное — слово общемировое, оно существует во всех языках. А вот слово «целинник» — новое, оно родилось в нашей Советской стране и теперь вошло в международный обиход. Как оно пишется? Многие иностранные делегаты полагают, что его можно не переводить, а произносить так, как произносят в России. В блокнотах появляется запись: «Celiniki».

Целинники покоряют целины, людмилии, потеки. Потому с такими нескрываемыми интересами смотрят зарубежные гости на Героя Социалистического Труда Ивана Рудского и заводят с ним оживленную беседу. А Ивану Рудскому есть что рассказать. Бригадир тракторной бригады Чапаевской МТС Кустанайской области, он на целине с первого дня ее освоения, поднял более 4 тысяч гектаров зем-

ли, собрал уже четыре урожая. Любопытная деталь: пшеница, выращенная Иваном Рудским на целине, растет сейчас в Египте, Парарагве, Непале; мешочек семян тракторист подарил друзьям из двух лет назад на Барвашском фестивале. Сородичи семена сторицью возвращены им селянами.

Вот еще один целинник — студент Московского энергетического института Вадим Лопатин.

Итальянские делегаты склонились над мешками с полновесным золотистым зерном. Ничего не скажешь: превосходная пшеница!

Вместе с ним в зале незримо присутствуют 1 200 его товарищ, от имени которых он передает привет делегатам фестиваля.

Его слова вспоминают французскую студентку Монику Тресс задавший вопрос:

— Скажите, коллега, почему мы будущий инженер, должны были потратить свои каникулы на поборку урожая где-то за тысячу километров от вашего дома? Мне это непонятно.

— Очень просто. Молодые целинники вырастили такой огромный урожай, что одним им не под силу было справиться с сборкой. Вот они и позвали: «Приходите, друзья, на помощь!» Можно было бы откликнуться! Хлеб — это многое, это благостояние народа, это благотвство всему миру.

Хорошо сказала Лопатин! Вместо ответа французская студентка крепко пожала руку своего советского коллеги.

Можно распространять целинников целый день, неделю, месяц: интерес не иссякнет. Но и у советской молодежи есть немало вопросов. Как, например, живут итальянские крестьяне?

Отвечает Грациана Кремонин — секретарь союза крестьян-арендаторов Павни:

— Павни — одна из плодороднейших областей Италии. Но не всем живется здесь хорошо. Поговорите, например, с Марияной Затти. Сейчас она веселая, ей хорошо. А дома она не такая: трудная у нее жизнь. Она бабушка, работает на рисовых плантациях, всегда по колено в воде, а зарыта в грязи. Но мы боремся. Недавно 12 тысяч батраков Павни провели забастовку. Держались 40 дней — и победили. Если бы не победа, не было бы мы и на фестивале.

Киргизская девушка Роза Байтузанова и туркменка Огульбийи Яшмурадова с искренним сочувствием смотрят на Маризу Розетти. Привезла гладелупскую молодежи Южной Осетии с восемью тоннами дикого меда. Юная, почтенная, рассматривает полученный трактор. Счастливы эти советские колхозники: управлять такой техникой на своих полях! А ему приходится резать вручную сахарный тростник на плантациях американских боссов.

— Смелее! — говорит Жерому украинец Роман Романов, подсаживая нового друга на

трактор. — Садись вот сюда, бери в руки руль. Смелей!

Всобщий восторг! Теперь все гвалдупцы с возгласами «Дружбы» избираются на трактор: каждому хочется попробовать, что это за штука.

Один час проводят делегаты в павильоне «Сибирь», хотя готовы были бы ходить по нему целый день. Записываются в блокноты цифры: Алтайский край сдал в прошлом году 280 миллионов пудов хлеба, за два года здесь создано 43 новых совхоза. Итальянские делегаты Бруно Альютти и Джованни Феррара склонились над мешками с пшеницей, персылают в руки полновесное зерно, поднося горсть ко рту, пробуют на вкус: так будет вернее. Ничего не скажешь: превосходная пшеница!

В немом восхищении замерли перед сибирским муком молодые француженки и итальянки. Какие роскошные соболи, песцы, серебристые лисы!

Внимательно слушает объяснение экскурсона молодой англичанин Роджер Морган. Он студент сельскохозяйственного колледжа из города Бристоля, для него выставка — это вторая школа, да еще какая!

Тунисец Ларги Тауфи и француженка Антонио Ломбардо завязали беседу с Булатом Токаревым — кантористом Андреевской МТС Талды-Курганская область, Казахской ССР.

Группа делегатов из облученного села Очинникновской МТС Алтайского края Петра Убогова — они рассматривают его орден. Какая высокая награда простому хлеборобу!

Иво Горрери говорит:

— С какой радостью мы все поехали бы помочь вам и целиней!

— Что он сказал? — спрашивают переводчиков французы, греки, поляки.

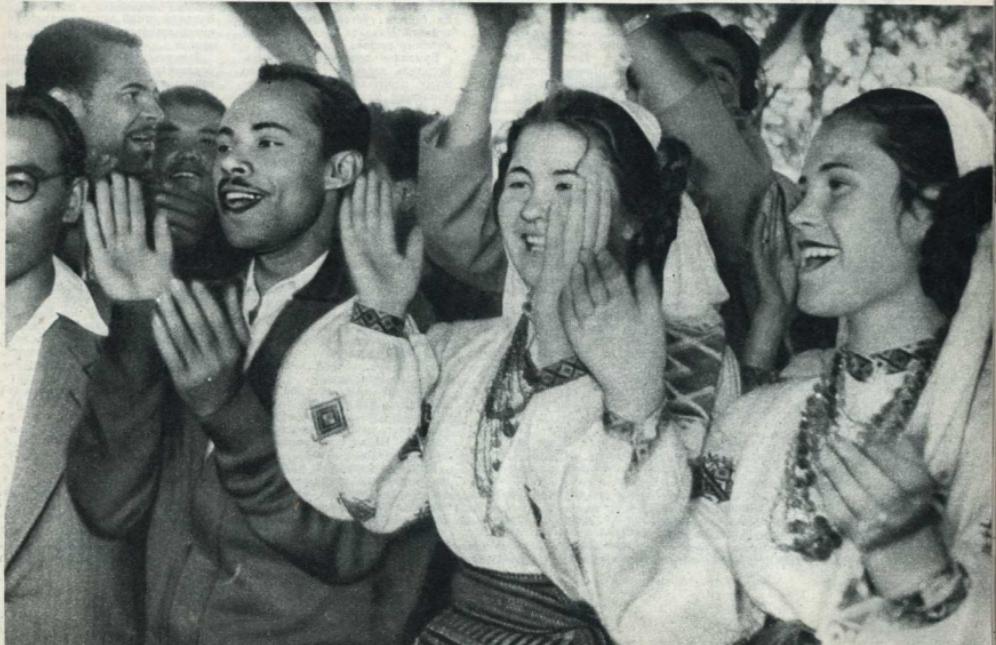
Через мгновение вспыхивают аплодисменты. Они звучат по всему павильону...

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Участники встречи с целинниками горячо поддерживают выступление китайского делегата.

Зарубежные гости в павильоне «Сибирь».

Красный бороды

Советские танкисты вспомнили яркие страницы в славной летописи боевой истории нашего народа — свободы и независимости Родины. Их всегда, когда страна отмечает День танкиста, мы публикуют рассказ о подвиге Героя Советского Союза, двадцатипятилетнего комсомольца Василия Ермолова, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В один из майских дней танкисты отмечали пятнадцатилетие своего гвардейского полка. Солдаты и офицеры, заполненные празднично убранным полковым клубом, слушали рассказы о славном боевом пути соединения. Перед глазами солдат и офицеров вставали картины сражений на Кантемировке и Кастроной, под Кинешмой и Львовом, битвы за Берлин и Прагу. Эти места были землями грунтовой фронтовой дороге, по которой шел из запада гвардейский полк прославленного Кантемировского корпуса.

В тот торжественный день многие молодые танкисты впервые услышали рассказ о бесмертном подвиге экипажа Героя Советского Союза, младшего лейтенанта Ермолова — экипажа, который прослужил в полку всего лишь сорок восемь часов и плавно остался в сердцах товарищей. ...Это было трицатидцать лет то-

му назад, зимой сорок третьего года. Эшелон шел все дальше и дальше на запад. Позади оставались притихшие города, заснеженные подступы, молчаливые перевалы на косогорах. Настрачек летел лодочный, обжигающий ветер. На тяжелых платформах под жестким, промерзшим брезентом стояли новенькие, пахнувшие смесью краской боевые «Т-34». Танкисты вполголоса говорили о фронте, который с каждым километром становился все ближе, гадая, сколько участок достанется им поезд.

В эшелоне находился и экипаж младшего лейтенанта Ермолова. В одной теплушке с командиром танка ехали стрелок-радист Сорокин — бывалый танкист, прошедший уже по многим дорогам войны, и двадцатипятилетний водитель сержант Тимофеев.

Еще на станции отправления Сорокин сказал водителю танка:

— Я так считаю, дорогой Андриуша, зелен наш командир. Пороку-то его не нюхал, только что из линии.

— Дело покажет, зелен или нет... Технику знает неплохо. Мы вместе машину осматривали.

— Техника техников... А как он себя в бою поведет? Все-таки девятнадцать лет...

— Всюю не возрастом, Никита Иванович, — отрезал сержант.

Путь до фронта казался бесконечным. Но вот ранним утром эшелон остановился у разрушенного здания Киевского вокзала. Танкисты, глядя с уверенностью сказать: возвратим мы придется на Первом Украинском, войска которого отбивали контрапостуление танковых и пехотных соединений врага.

Низкие облака, обложив все небо, высвешали холодную водянистую пыль. Эшелон стоял, словно приземнившись к рельсам. Бойцы ворчали на железнодорожников, которые задерживали и состав.

Известия о продвижении проходящего мимо осмотренного загновом молодой танкист — Нам к фронту надо. Почему стоим?

— Путь разబомбили, — сказал железнодорожник. — В трех шагах. Восстанавливайтесь, скоро пойдете. Только ехать-то недалеко: против рядом...

Осмотрители замолчали. Казалось, он ждал каких-то ответных слов, которые успокоили бы его, старого киевлянина...

По — вагонам! — донеслась команда, и вскоре ее повторили десницы голосов.

Молодой танкист сорвал с себя пальто, наклонился и крепко пожал руками старому рабочему.

— Прощай, отец. Передай киевлянам: ни один фантастический гений не преодолеет!

Через несколько часов эшелон прибыл на станцию Ирша. Началась разгрузка. По хижему мешну грязи, которое на карте имеется под названием города, волнился склон машины к южной окраине города Малин. Танкисты прибыли в расположение третьего батальона бригады полковника Душака гвардейского Кантемировского корпуса. В тот же день комбат Фролов объявил перед строем боевой приказ: к полуночи выдвигаться в район села Заныки и обороны его до последней возможности.

— Задача, товарищи, трудная, — добавил комбат. — Перед нами отборные части седьмой танковой дивизии и эсэсовской диви-

зии «Адольф Гитлер». Тылы, пехота, артиллерия оставлены. Беспартийных — один команда. Горючее — одна заправка. Продовольствия нет... Но мы, гвардейцы-каменировцы, должны выстоять!

Ровно в полночь тихие улицы села Заныки наполнились звуком моторов и лязгом гусениц. Пройдя село, машины расположились в разные стороны.

Приготовив пять укрытий на случай, если придется маневрировать, члены экипажа Ермолова сели в свои машины.

В четвертом часу ночи зловещий дикий шум моторов. Шли фашистские танки. Их скрыла плотный ночной мрак. Жители села, нарушая строгий приказ укрыться в погребах и подвалах, тревожно всматривались в темноту, ожидая начала боя.

Вдалеке за бугром вспыхнул луч света. Вражеские танки двигались медленно, опасаясь удара... «Тридцатьчетверка» Ермолова, сидя в глубине укрытия, молча наблюдала за врагом: все ближе и ближе. Можно было удивляться выдержке молодого командира. Когда за час осталось не более четырехсот метров, неожиданно прозоручил выстрел. И тотчас над головной машиной с белым крестом высоко в небо взметнулся огненный столб. Три ущелевших танка развернулись, стремясь уйти. Еще один выстрел — и запала вторая фашистская машина. Через минуту вспыхнула третья.

Ни одна из экипажей Ермолова не слышала радостных криков жителей села — единственные спидеги этого почного боя. Три выстрела — и три фашистских танка превратились в гору грозового лома. Такой меткости мог позволить себе только бывалый фронтовик, и кто знает, что творилось в те минуты в душе радиата Сорокина...

Четвертая машина успела уйти. Ее скрыла густая, непроглядная тьма. Ермолова не успела увидеть, сколько было танков, и «тридцатьчетверка» осторожно подкралась к врагу...

Темноту прорезал яркий луч света, и в то же мгновение Ермолова выпустил один из двух несущихся спидегов. Этого было достаточно...

«Т-34» скользил разворот и ушел в тьму. Наступила тишина.

От крайней избы отделилась человеческая фигура и, боязливо осматриваясь по сторонам, двинулась к советскому танку. Это была девушка из села Заныки, отважившаяся принести вонявшим нечистью одеяло... Она тревожно оглядела танкистов, вышедших из машины, молча пронесла командиру белый узелок.

— Чем вы, не надо... — смущенно сказала Ермолова.

— Ешьте... А за походу вас я посыду. Как звать-то вас?

Резкий воринь привел разговор, над головами проскользели скосы. Низко пригнувшись, девушка побежала к селу.

Все поле покрылось оранжевыми вспышками разрывов. Началась артподготовка. Противники, видимо, готовились к решительному наступлению.

Рассвело. Над черной землей пополз реденький туман, обнажая перепаханое снарядами и минами

поле... А когда туман рассеялся, началась атака. На долю ермолевского экипажа достались три «тигры» — три мощных, хорошо вооруженных фашистских танка. Приземистые, громоздкие машины, переваливались на ухабах, медленно ползли к окраине села.

Только безумная отвага могла заставить экипаж одной «тридцатьчетверки», хоть и более быстроходной, чем «тигры», но по боевому бессмертному перед ними, вступить в бой с такой бой. Подняв саблю на эмблему Ермолова выпустил в борт головного танка несколько подзаряженных снарядов. «Тигр» остановился: он уже перестал быть мучгум и грозным. Тимофеев броском увел машину в сторону.

Измененное направление, «тигры» двигались рядом. Ермолевский танк сделал несколько маневров и заставил вторую машину. В каскетах, сопровождаемых остальными, только скользнули снаряды, и меткие удары не причинили последнему «тигру» вреда.

Можно было бы уйти, использовав быстротуходность «Т-34», уклониться от боя. Но экипаж Ермолова не уступила дорогу фашистам и продолжал послать снаряд за снарядом...

«Тигр» развернулся. Трижды сверкнул острой малиновым огнем, вырвавшись из ствола пушки. Снаряды ложились рядом с «тигрицей» Ермолова — судьба пока еще оберегала эту машину от падения... И вдруг страшный удар потряс машину Ермолова.

Остания позади горящий советский танк, «тигр» двинулся к селу.

И снова у экипажа Ермолова была возможность спастись: стоянку только открыть крышки люка... Но в эту минуту жители села, наблюдавшие за неравным боем, увидели такое, о чем и сейчас вспоминают с волнением... Высокий столб дыма качнулся, и «тидцатьчетверка» бросилась за врагом.

Заметившие погоню фашисты увеличли скорость, на ходу разворачивая настручу ермолевским прыгающим стволом пушки. Расстояние между машинами сокращалось... И вот на самой окраине села, у двух молодых березок, низко опустивших свои тонкие головы ветви, оббитый пламенем танк, как стрекоза, торпеда, вспыхнула в фиолетовую магию. Рядом с Ермоловым вспыхнула машина Фролова. Наступила мгновение, когда «тигр» всплыл вверх и с глухим ударом упал на землю. В то же мгновение по полям покатились грохотом второго взрыва...

Экипаж младшего лейтенанта Ермолова, девятнадцатилетнего комсомольца, защищал советскую землю до последней минуты жизни.

Давно отремонтили Богдан Великий Отечественной войны, но живет и всегда будет жить слава бессмертного подвига трех героев, отдавших свою жизнь за нашу Родину. Богдан и офицеры санго чтут память своих старших товарищей: Василия Ермолова, Андрея Тимофеева, Никиты Сорокина. Когда заполненные танки возращаются с учебных занятий в парк, танкисты спрашивают командиров машин:

— Как стреляли?

И усталые командиры, широко улыбаясь, отвечают:

— Без промаха, с одного выстрела. По-ермолевски!

Т. СТЕПАНЧУК

Ю. ГРОМОВ

ЗНОЙ

Рассказ

Крепкий щербатый матрос выглянулся в дверь теплушек и сморщился от веселого встречного ветра.

— Подъезжаем, — сказал он внутрь вагона.

Высокий худой Пашка расправил гармонь, откинул назад голову и шевельнул пальцами ладони.

— Из-з, яблочко! — крякнул матрос, и под его каблуками застонала дряхлая теплушечный пол.

Мимо поезда двинулись пристанические тополя, мельчали началь перронов, бабы с дотками, стаики босых ребятишек, желтый забор павлинидника.

Заскрипев, состав остановился. По вагонам прокатилось судорожное лязгание буферов.

Заслыхав сигналы и приклады, загрохотали отодвигаемые двери теплушек, и перрон покрылся шумной и пестрой толкой. Тут были подростки с московскими фабрик, матросы с потускневшими золотом на бескозырках кудрявыми сутулые ткани, сидели в шинелях всецвета и оттенков рабочие-сталинисты. Красногвардейские добровольческие стряд прибыли на Украину для действий против Махно.

— Ст-ановись! — зычно крикнул высокий чернобородый человек в петрорской команже; в бедре у него болтался парабелум, слева — казакша шашка в обтертых ножнах.

Отряд быстро вытянулся в волниющуюся постепенно стеньку.

— Смир-рино!

Стенка замерла.

Справа по порядку рассчитайся!

— Первый! Второй! Третий!.. — зачалила стенька.

Кандидир прошелся по перрону, опустив чернобородое лицо, потом запинкою что-то в блокнот.

— Иду до штаба, — сказал он, пряча блокнот. — Всем оставаться же, дялеко не ходить. Разве что на базар или еще по какому делу, только не надолго. Разойдись!

Стенка задвигалась и снова превратилась в толпу.

Пашка осторожно положил гармонь у борта.

— Дядя Миша, побереги. А мы к речке склоним.

Грузный рыжебородый солдат кивнулся. Он сидел, привался спиной к изгороди, и свертывал козырьком носки.

— Дядяка Черномор! Шилол! — крикнул Пашка матросу. — Купаться с нами, а?

Матрос что-то рассматривал в вынутом винтовочном затворе. Лицо его было внимательным и серьезным. Ленты бескозырки ползали по могучей, широкой спине.

— Некогда милок! — отрывисто бросил он в ответ, но поднимая головы. — Шило сперва сквозь затвор, а затем винтовку ремонтируя, чинит, а там и все прочее.

Он засунул в ствол обгоревший желтый палец, пытаясь вытащить какую-то соринку.

— Да и вы, соловьи, недолго летаете! — недоволено добавил матрос. — Всовать приехали — не на крымские пляжи. Испокойтайтесь единим духом и живо обратно. Ну, съезди на посугонуты!

Шестеро подростков двинулись по перрону. На них с любопытством поглядывали бабы, разостлавшие на земле тряпки с лебедями и цветочными композициями. Матрос проходил, медленительные станинчики в необлачных шароварах и скрипучих сапогах, шмыгали вздыганные босые ребятишки, бойко хохлатые девчата. На станции стоял многоголосый гомон, пахло потом и хлебом, а над всем этим, неподвижное и бесподобное, калилось знаменитое украинское солнце.

— Ух, жара! — сказал смуглый стройный паренек в замыганным команже и кубанской папахе. — Ну и поплаваем же, братвой Досыте!

— А это что за объявление? — спросил друг, синув в сторону станционного здания. Там, на фасаде, между двух окон висел широкий яркий плакат. — Может, до нас касается?

Красные алюминиевые буквы были плохо видны из-за пыльных тополей, которые кучно сгруппировались у вокзала.

— Река да на блоке всего касается! — нетерпение замягтил Пашка. — Живой пошли, а то опоздаем. Чего глазеть? В Париж, что ли, приехали...

Сиренами на узкую тихую уличку. По обеим сторонам ее тянулись слепые серые домики;

над заборами вились кудри тополиной листвы, приторенные хрусткой белой пылью. Горохичи и мягкими слоями пыль покрывала дорожку; ее нудное, раздражающее тепло проникало сквозь сапоги.

Среди деревьев, издающих об扑ленный ворот сидел старик. На дубленых коричневых щеках у него клочками мах простирались древние борода. Старик внимательно посмотрел на ребят, отгородив от солнца тусклые глаза жесткой бурой ладонью.

— Здравствуй, дядусь! — кинул ему Пашка. — На что же у вас тут этакое тепло?

— Тепло, сынок, тепло — скотно шамкину!

— Московские. С Мажном воевать приехали.

— Воевали? — удивился старик. — Ще дитина зовски, а тоже воевать едет. Ни что жа вы все воюете, сынок, на якую такую беду?

— Нужно — вот и воюем, дядусь. Ну, бывай здорово!

— А куды же вы, дитки? До речки. Искучайтесь.

Ребята свернули за угол.

— А дед-то что еще кричит, — сказал смуглый Митя, оглядываясь назад.

— Скучно старик, вот и рассказывается, — ответил за всех Пашка. — Он бы еще про милюю революцию спросил, пришлось бы тогда за комиссаром бежать, чтобы ему разъяснили.

Из-за плетней и крыши весело и неизысканно свирепела река. Перегоняя друг друга, ребята со свистом и хохотом побежали под откос.

Река текла медленно, облизывая горячий прибрежный песок короткими язычками волн. Вся в широкая гладь рябила и пестрела от миллионов солнечных бликсов. Берег отоходил к воде темела замыкненной глубиной и текла быстree. У камней черными полосками мелькали рыбешки.

Ребята сразу как-то особенно остро почувствовали тяжесть гимнастерок, прогретые теплами и солнцем, пропитанные горячим потом. Митя, синув в сторону кубанки, и потянулся через голову, расстягнув рубашку. Сбросив сапоги и шаровары и вселю гимнастику, он кинулся в реку, шумно забургав коленями воду.

— Даешь сюда! — счастливо зорал Митя.

В воде замелькали белые пятна тепл. Над тишиной водным простором понеслись хохот, готовые, пляски.

— Братва, сплавляем вниз! — Сильным взмахом руки Митя дунул телоперед. Около уха эхончали проходящие струи.

Нике по течению старая нева опустила вет-

ви к самой воде. Около дерева неторопливо раздевался мужчина; рядом, пофиркивая, облизывая галусы молчущий карий жеребец. Раздевшись, мужчина вскочил на коня и скакал ему бока коленями. Осторожно перебирая стройными ногами, жеребец вошел в воду, и, разрезав ее мощной выпуклой грудью, двинулася наперевес плачущим ребятам. Зачумный фиакр с жеребцом раскатывалось над водой, под атласной коричневой кожей задорно играли тугие мышцы.

— Эй, — кричали мальчики. — Всю обедню испортил. Заехал бы никого.

— Мы ведь две недели не мылись! — обиженно добавил белокурый Матюшка, поворачивая против течения. — Вот сям бы столько проехал!

Мужчина неторопливо оглянулся на крики, но, не отвечая, стал сплекать пригоршнями воды в свою чонку.

— Иши, бургут зверий! — прорвались Пашка и остались, нащупывая ногами дно. Остановились и остальные.

— Ну, как хотите, а я дальше не поплыну, — сказал Митяка, разводя руками, чтобы удержаться на быстрине. — Две недели в бане не мылись, а теперь в конском мыле плескаться...

— Иши, барин какой нашелся! — презрительно скрипнул Матюшка круглую веснушчатую рожицу. — Поплыни!

Дважды крикнутое отрезал Пашка и двинулся к берегу. Айда обратно, ребята, а то уйдут наши с воказами!

Один за другим они выбрались на песок, отряхивали мокрые головы и нюхали воздуха тяжелой грязной одеколон. Идти не хотелось. Поэтому все молча подождали, пока Митяка закурит, а потом медленно потянулись по тропинке. Мужчины с лошадьми уже не было. Ребята миновали изу и, пройдя с сотню шагов по берегу, кротко свернули, забираясь в темноту откоса. Солнце пронзительно жгло стены и пыль.

— Эй, надо бы еще сплавлять! Виши, какая жара! — недовольно пробурчала Матюшка. Она сидела на седлах, ощущая всплеск в животе, и покачивалася в седлах, о чём-то неторопливо говорила.

Поравнявшись с ребятами, один из верховых выдернулся из седла, сунул в карманы лицо. Из под фуражки с красным осенним листом на лоб пышной смоловой чуб.

— Здорово, хлопцы! — гаркнула он, свернув рядом крепких зубов. — Тюлююм боягаты?

Всадник потянул поводья. Рослый гнедой

конь мотнул головой и затанцевал, закусив удила. Ребята остановились.

Митяка сунулся в карман за кистем. Конь фиолетовым глазом косялся на него и, перевибрив ногами, заносил в сторону тяжелый лоснившийся круп.

— Тварь, чертова скотина! — дернул смуглый позади. — Же ты честному бойцу закуришь препятствуешь? А ну, друг, ссыпь тютюна сюда!

Он свесился с седла и протянул широкую твердую ладонь, но вдруг остановил пристальный взгляд на влажной прядке волос у Митякиного уха.

— Купалась?

— Угу! — промыкал Митяка, дерка кисть зурами и шара в карманах бумагой. — Вот! — протянул он клок. — Дерки!

Смуглый, не отвечая, сильно натянул поводья. Конь осел на землю ноги и замотал головой, плясая в сторону.

— Ну, аверт до штаба! — сердито крикнул смуглый. — Живо! Становися в кучу!

— Айда! — крикнул Митяка. — Это же табак, не дымись!

В руке у всадника малыши наган. Жадное черное дульце установилось на ребят. Лаковое смуглое лицо стало злым и чумным.

— Максим! — крикнул он товарищу. — Зазей-жай с твоими стороны!

Второй всадник щелчнув затвором карабина, тронул коня. На ребят с обеих сторон взялись чёрные дырки стволов.

Да за что же, братцы! — плачущим голосом заскрипел Матюшка. — Мы же свои: с Махновом дрались и сражались. Их добровольческий московского отряда. Ты сперва пропадешь, а потом уи и наганом грохнёшь!

— Ну, айда! — крикнула смуглый. — Дерки на коня, Максим. — Дерки!

Ребята шли, опустив головы, чувствуя, что произошло что-то недоброе. По сторонам почкачивались над седлами да строгие лица с настороженными глазами.

— Да ты хоти скаки, в чём дело, — поднял наконец Пашка голову к конвою.

В реке арангепцы сапных лошадей поставили, а вы к ту воду полезли, как скаженые. Сап у вас будет теперь. Растреляют, как никых.

— Растреляют!! — испуганно вскрикнул Матюшка.

— А что ж? — сурово ответил тот. — От этой болезни спасенья нет. А зарузы тебе кто же разводить даст? Либо ты один, либо из-за тебя тысячи сгинут.

Но, увидев молчание в глазах Матюшки, добавил матерно:

— Сынок, сынок, ах ты, может, и не заразился. В карантин посадят — видно будет.

Что ж вы на воказе плакатов не читали? Предупреждение всем объявлено, а вы...

Он хмуро тряхнул чубом.

— Эх, вы, вояки! Она, милый, не игрушка, это мама войны, родного брата стреляла, — вздохнула она, буднично.

Митяка шагал в середине, смотря под ноги. Жары он не замечал. Во время купания в это попало немногого воды, и теперь она переливалася там, вызывая ощущение глухоты. А в другом углу стоял тонкий жужжащий звон.

Кто-то что-то говорил, лошади шлепали копытами по плотной горячей пыли, кто-то, кажется, плакал, но все это славилось в однообразном, зычащем гудении. В голове то тяжко шумело, то вдруг жестоко и беспощадно просыпалось «асан, неизлечимая болезнь...

Что же будет? —

В легкие апептически удашливый кашель, отрывательными язвами покоротки коня... И он, живой Митяка, ощущал в затылке мигновенную острую боль от толчки гуда и славился на пол. А потом его потянули баграми в темную яму, как мясош костей и мяса, отравленных сапенным ядом.

Нет, не такую смерть собирался он встретить тут. Одно дело — упасть от махновской пурпурной горячка, когда неминяность не дает даже времени, чтобы принять смерть: знать, что потом тебя опустят в могилу, когда душистой зелено-стальной стени будет пульсать теплый и трепет, боевое знамя, опущенное над твоим бледным негодяйским лицом... — это не страшно. А вот ждать смерти от пурпурного красноармейского нагана, когда не может быть неминяя и безумия борбы, а только один цепенящий страх, — нет, это хуже всего!

Стой-стой! — пропел смуглый с седла. — Максим, погладь мой. Смотри, хлопцы, не шутя-ляжте, что драгу эздумут дать — на месте ляжет. Эй!

Из ворот вынырнул красноармеец. — Клиники доктора — строго сказал ему смуглый. — Сапных зевам.

Красноармеец исчез. Через несколько минут в воротах появилась белая фигура. Врач был тучен и невысок. Притухшие глаза из-за стекол больших очков взлюикованы остановились на понурой кучке ребят. Заметив жалкую, испуганную рожицу Матюшки, он удивленно покачал головой.

— Все супер?

Никто из ребят не отозвался.

— Всё! — ответил за них смуглый. — У самой реки поймали. От той самой вины поиник с полверсты. На яр лезут, а волосы кроются.

— Эх, воробы, воробы! — тоскливо скажет врач. — Ну, что же, ведь в карантин.

Красноармеец у ворот щелкнул затвором:

— Проходи сюда сяда. Дериньс вон на ту дверь.

Жалкой цепочкой ребята потянулись к двери.

шатому сараю. Перед входом им стало так страшно, что все разом остановились. Там, за дверью, было темно и тихо. А здесь, во дворе, неистово гремело солнце.

Пашка скрипнул зубами:

— Ну, чегу стали? Идем, братва! Конец так конец!

И он перешагнул порог. За ним молча вошли остальные. Но Матюшка не выдернула у него затягившие губы, откинула подбородок, и он дико и тонко заплакал, схватившись за края двери.

— Ну-ну, иди, сынок, не плачь,— ласково сказал красноармеец.— Всё карантин это. Всё держку вам делают. Покуда признаков нет, бояться не полагается.

Но, видя, что страх не дает парни силы ворота открыть, громко крикнули:

— А ну, юди туда! Слыши? А не то положу жу! маху!

И бешено оскалил зубы, злазнул затвором. Матюшка, дрожа, шагнул в темноту.

— Весь вот же беда какая, товарищ доктор,— тихо сказал карапузный, щелкая замком на закрытой двери.— Кому же этикх молодых не жал?

Вран не ответил. Дрожжами пальцами он сунул в рот сигаретку и, опустив голову, провел ее по щекам.

Минут через двадцать он вышел снова со странным блондином в военной форме. За ними, стуча прикладами, спустилось с крыльца трое красноармейцев.

— Вагон! — тихо спросил командр.

— Вагон. Но сутки... отрывисто ответил врач.— Ведро воды, хлеба. Следит в оба. Завтра в пяток вечером проверить.

Он подошел к сараю и толкнув внутрь квадратную деревянную будку.

— Эй, юди! Чего пртикиши? Ну, ничего, ребята, не горойте раньше срока. Сейчас переделаем вас в вагон у станции: дадим сутки высыпки. За эти сутки должны позываться признаки. Конечно, если болны...— торопливо добавил он.— А скорее всего просто страхом отделяется. Всего зарнее, что заразу уже река унесла. А без карантину нельзя. Ну, выходит!

Вран отошел в сторону и молча смотрел, как припрятавшиеся, помурчавшие ребята окунулись в конвоиры и как маленькая, жалкая кучка людей медленно поплелись к воротам и скрылись за них.

У старого плачуги, в забытом пристанищном тунике, одиноким грязно-красным пятном торчал старый товарищный вагон. Он был придинут к цементному перрону, и из его открытой двери пахло пылью и новизной.

Ребята остановились у вагона. В него вошел красноармеец, поставил ведро воды, жесткую кружку, на свежую струганую доску положил хлеб и вышел.

— Ну, юди! — отрывисто сказал командр.

Ребята переглянулись.

— Ну-ну, хлопни, смеяле! — добро прикрикнул командр.— Не ребой! Одной выдержки испугались — вот тебе и вояки. Еще позовешь. Ну, ходи!

Первыми шагнули Митяка.

Дверь качнулась и скрипнула. Ржавое колесико с влагой скользнуло по железной наладке. Полоса света делалась все узже, узже... Дверь стукнула и остановилась. Свет погас.

За дверями вагона командр что-то говорил. По перрону проплывали сапоги. Затем ступило.

В вагоне был полумрак. От крыши, раскаленной солнцем, веяло душным, томящим жаром.

Митяка сел на пол, привалился к стенке вагона и обхватил колени руками.

Ребята забились в углы и молчали. Иногда всхлипывали, всхлипывали, да время от времени хрюкали песок под ногами часового, ходившего около вагона.

Митяка вытикал замыганный листок бумаги и огрызок карандаша, размел на полу сор и пригрел.

— Кому вздумал писать? — негромко спросил из своего угла Пашка.

— Матери для ребятам.

— Ну, пиши.

«Мама, пиши тебе с Украины. Убежал сюда

против Махна. Попрощаться не пришлося. А теперь и совсем не встремися: заразился сапом. Жить осталось сутки. Ты не горой: такое уж время. Но мы, так другие заняты новую жизнь. Не сердись, Дмитрий. Вспомнилось изможденное лицо матери — прорванного глаза, покрасневших носовых руки, красная косынка... И сразу захотелось увидеть ее, очнуть запаха дешевого мыла, идущий от старенького ситцевого платя, услышать голос. В глазах затрепетали слезы. Через их горячую плёнку Митяка увидел, как зашатались и запрыгали буквы. Он сердито кашлянулся, ворвался отчаянно, незаметно вытер глаза и стал писать второе письмо:

«Гвардии, нам не пришлось бороться за Советскую власть, но нас мы признаем защищать ее от всех врагов и в первую очередь от Махна. Если придется, не оставьте матерей без заботы!»

Д. Симонов.

Недалеко от лица в полу вагона сквозняка щель. Митяка стукнул в стекло.

— Часовой!

За дверью скрипнул песок.

— Чего?

— Вот тут я в щель два письма суну. Отправь если что... Матери да дружьем.

— Куда... не сразу ответил часовой.

Две звонкие стеклянны щель.

Митяка сквозь щель встала. Пашка подошел к вороту, присел и притяг к его краю, стоя жадно тянуть воду. Потом опять ушел в угол и лег.

За стеклами вагона, наоборот, наступали сумерки. Темною понемногу закрыла улья. Фигуры ребят расплылись. Изредка кто-нибудь шевелился, и тогда некогда покрикнув под дыхом становился все гуще и тяжелей.

Митяка опустила голову между колен и заслонила ее в колючую наивину из проволоки. Мотал головой, судорожно глотая, подставляя лицо к горлу ридикюля. Нельзя плакать, нельзя, Митяка Симонов, доброволец боев московского рабочего отряда, боец Красной Армии! Нельзя!

Когда он поднял голову, четырехугольник лука уже затягивали серовато-синие краски. Далеко-далеко в нем вспыхнула искорка. Потом она замерзла спокойным зеленоватым светом. Звезды Митяка, не отрываясь, смотрели на эту светлую далекую точку. Она дрожала, как росинка капель, улавливая на невидимом ветру волны Балтики.

За стеклами вагона однообразно покрутивали пески. Слышино было, как покашливал часовой, потом он брякнул прикладом и тихо затянулся:

Не белы снеги,
Эх, не белы снеги
Во поле заблещены...

И, как будто зарумянившись о чём-то, смолк. А из напряженной тишины, которая должна была вот-вот оглушительно и страшно лопнуть, вдруг выплыл далекий аккорд. Видно, кто-то тронул струны гитары, и поплыли от них красивые, волнующие звуки, поплыли в синеву низкой украинской ночи, к верхушкам дремотных тополей, к этому тихому и страш-

ному вагону, который мрачным пятном темнел на светлых полосках рельс...

Митяка, как задремал, когда открылся, было уже совсем тихо. Только иногда откуда-то вырывался далекий и глухой рев паровозного гудка. А в ложе все так же мигали зелено-зеленые звездочки катиль-звезды.

Подступал неумолимый рассвят. Незаметно исчезла звезда, лукоузоров, окрасился свежими малиновым цветом, а потом налился мощным блеском новорожденного горячего солнца. Там, за стеклами вагона, теперь уползли уже, наверно, туманы в перелески; люди, зевая, переступали пороги душевых комнат... Слышино было, как перекликались на путях паровозы, гремели буфы, и эхо без конца перекликавшись по пустым просторным да-лям.

Утро!

Ночная проладка растаяла, а вместе нее снова начали томить беспощадная духота. И пополу бесконечный и мучительный день. Последний день!

Казалось, что время остановилось, измученное жаждой и страхом, и что долго-долго не пройдет этот последний час, когда у автобуса встучут солдат караула. Но часы-розиночки вспоминали свои кончики. Это чувствовалось по тому, что в вагоне стало душнее и световой отпечаток лука на стекне так же невидимо и незаметно, как часовая стрелка, опускалась все ниже и ниже...

Шаги появились сразу.

Разноголосые, твердые и страшные, они дробью рассыпались по перрону. Забрикли приклады. Митяка почувствовал, как по телу пополз холод, а сердце затрепетало, скользя по утлу куда-то гибни. Задыхнувшись, он раздавил вонючие губы.

Пришли.

— А ну, кто там? Подходи один! — крикнул жуткий голос.

Качаясь на затекших ногах, Митяка шагнул к двери.

Стой, стой! В дверях стоя!

На ослепительно ярдом квадрате перрон, перечирикнув тенями столбов, танцевали фигуры с винтовками.

— На прицел бери, на прицел! — злобно и торопливо крикнул кто-то.

Винтовочные дула приподнялись и нацупали винтовидную дверь.

Впереди врача стоял скобу.

— Ну-ну, мальчики, пододни ближе на свет, — сказал он пружинисто, щурясь.

Врач долго всматривался в Митяка в лицо, потом опустил всю его фигуру пристальным взглядом. Покачал головой.

Командир, высокий, стройный блондин, подошел к врачу.

— Ну, как? — тревожно склонился он к пухлом лицу.

— Да что-то ничего не вижу, — недоверично ответил врач.— А ну, сынок, сними-ка руки с глазами.

Митяка покорно потянула гимнастерку через голову.

— Обомлеч, сердага, — шепнул командир, смотря на бледное лицо с сонными, безжизненными глазами.

Врач покашал ладонями.

— Ничего нет! — громко сказала он.— Что за чудеса? Да где вы купались, ребята? Ниже старой ивы, которая у спуска, или выше?

— Выше, — хрюпливо ответил Пашка, выглянув из-под черненых век.

— Косяк один для пригнал купать. Мы поплыли бы за ивой, а он нам напереди. Ну и вышли на берег.

— Вышли! — крикнул врач: его пухлые щеки посетило и расцвелело сеткой ласковых смешившихся морщинок.— Ребята, да сапенные лошади ниже ивы затоплены. Милые вы моя воробышки!

— Здорова, товарищ доктор! — задохнувшись, сквишил врача за руку командир.

— Здоровы, здоровы! Ну, ребята, вспоминайте того коня: спас он вас от смерти. Одним страхом отдались, зеленые головы!

— Ну, выроди, воин! — счастливо гаркнул командр. — Жизнь Высокий!

Пашка, конечно, был первый, скатив за руку Матюшку. Тот, по-ребячни раскрыв рот, все еще с ужасом таращил голубые испуганные глаза.

— Ну, братцы, дуйте на вокзал! — широко улыбаясь, сказал командр. — Ваша уже, наверно, в эшелоне грузятся. Надеялись же вы нам, страхи!..

Ребята торопливо шли по перегону. С правой стороны тянулся серый дощатый забор, а над ним лавко разводили пышной листовой яблони, чутко отзываясь на порывы легкого прохладного ветерка. Небо на западе слегка испуганное — на него наползала дождевая туча.

— Эх! — не выдержал Матюшка. — Пашка, смотри!

В листвах кругляли и раскачивались яркие пятна яблок.

Пашка нахмурился.

— Опоздаем, — строго сказал он и потянул его за руки.

Матюшка послушно опустил голову и засемнил, стараясь не отставать.

— Ну, а я нарыв! — решительно сказал Митяк и остановился у пролома в заборе.

— Успевай?

— Успею.

— Давай, скорее, — сурово скомандовал Пашка, не останавливаясь. — Нарви малость и донеси.

Митяк пролез в дыру и ловко вскарабкался на дерево. Шаги ребят за забором стихли.

По лицу Митяка ползали краек пахнущие листья. Через них прорывался холодноватый ветерок; гнал в ноздри сладкий запах спелых яблок. Голова закружилась, и Митяк притянул к темени свою стянутую кепичкой чулка. Он щеками слышал: Но надо было торопиться. Он обсыпал круглые твердые яблоки и солал их на пазухи гимнастерики...

Когда он, неуклюже ковыляя и придерживаясь обеими руками разделенную рубашку, выбежал к станции, над паровозом взвился легкий белый дымок, воздух содрогнулся от короткого взгремевшего систека. Длинный ряд обшарпленных теплушек судорожно лязгнул буферами; громыхнули и поползли по рельсам колеса.

Из предпоследнего вагона Митяк неистово махнул руками.

Митяк подбежал к открытой двери теплушек. Оттуда протягивал ему руку Шило. Колеса крутились все быстрее и быстрее.

— Руку, руку! — яростно крикнул Шило.

Немедленно подскочив, Митяк вцепился в коляску двери и сейчас же почувствовал, что сильные дружеские руки подхватили его со всех сторон. Но в это время вдруг с треском заскрипела гимнастерика, и яблоко веселым звенящим градом замелькало в воздухе, падая под откос...

— Эх! с отчаянием крикнул он, подняв яблоко. — Половина пропадает!

Он с сожалением выглянула из двери. Мимо вагона уже неслись кусты, змевшиеся тропинки. Последнее упавшее яблоко, красно-зеленым пятнышком мельнуло и исчезло за поворотом канавы. Пол теплушек скрипел и покачивался.

— Тряхай на пол, что осталось! — скомандовал Шило. — Эх вы, слапши команда! А мы уж тут в горе ударились: веовать надо, а самыто наши героям сапон заболели...

Его широкое лицо залопнулось от веселой улыбки. Он обнял Митяка, сдавил его также лыжами, дрожащими мускулами.

— Антон, сын, как другого «яблочки»! По слуху, гозаражены погибших. Давай!

В глубине вагона кто-то шевельнул ладьи. Шило, не выпыхнув Митяку, позев лягами и, приподняв ногу, с силой опустил ее на каблучок.

Эх, яблоко,
Да куда потянулся!..

Веселые звуки гармоники, мешаясь с ухарским свистом и забубненным топотом каблучков, вылетали из вагона. Ветер перехватывал их, закружили, уносил назад.

Повод уходил на фронт.

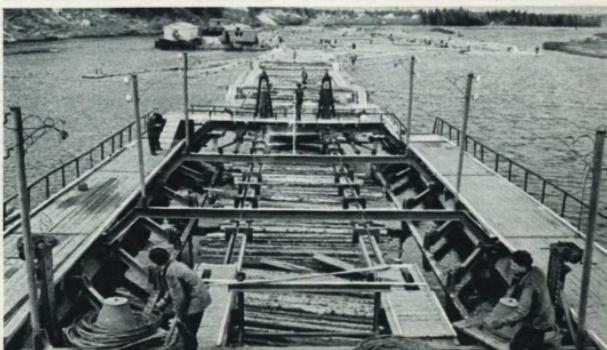
НА ОБВИНСКОМ РЕЙДЕ

Фотоочерк
Н. Шилова.

«Так дернай!» — сигнализирует ветром пароходу механик-водитель Павел Шилов. На фотографии: работы по сплощению реки Оби, единственный буферометр и месту сплотки до тысяч кубометров леса.

Поток древесины все ближе подводится к сплоточной машине. Несколько секунд — и пачка леса в тридцать — сорок кубометров крепко связана стальной проволоной.

Мимо живописных, лесистых берегов катят свои воды красавица Кама.

На окраине деревни Каргунчата между тенистыми березами струится прозрачные ключи. Небольшой брандспурт, спрятанный в глубокой яме, установленный над ключами, испещрен памятными надписями — то, —пустынныи, непогоды и смены — смены, сделанный со всем недавно.

Здесь, возле Каргунчата, на северо-западе Удмуртии начинает свой путь красавица Кама — замечательная водная магистраль Урала. Место это благословлено протекающей прибрежными просторы — это богатейший лесной край. За годы Согласия в Академии наук были основаны десятки новых городов и поселков, построены крупные лесохозяйственные предприятия. Одно из них — на танах предпринятий Ильинский славянский участок Обинского рай-

да. Недалеко от Пролетарского — центрального поселка ильинских славян — в реке установлены генеральные запасы. Леса на береговых склонах поступают в запасы малые сплавом. Сплющая машина дровяная сортирует срезанные селки и направляется отсюда к мощным сплошным машинам. Стальные агрегаты, сцеплены друг с другом, обвешаны проволокой и крепко связывают их в огромные пачки, из которых затем формируются сплавы из пачек.

Одна машина обрабатывает полторы тысячи кубометров древесины в час. Для обработки леса достаточно для строительства пятнадцати новых домов! При этом машины работают автоматически, без участия человека, потребовалось бы более ста рабочих, а машину обслуживает только семья членов семьи.

Но везде участках большого хозяйства ильинские сплавщиками работают молодежь. Многие юноши и девушки проходят сюда после окончания средней школы, по путьнице комсомола.

Готовится к окончанию годовщины — сорока летию Великого Октября, сплавщиками Обинского ряда развернули самое массовое соревнование за досрочное завершение всех сплавных работ. Каждый день тщательно подсчитывают результаты с Ильинского участка на Камский целлюлозно-бумажный комбинат, на Белорецкий комбинат, Сыктывкар и других городов нашей необъятной страны.

Длоты с Обинского рейда проходят через шлюз Камской ГЭС.

Опера «Пулат и Гульру» на сцене Сталинабадского театра оперы и балета. В роли Гульру — народная артистка Таджикской ССР Xanifa Mavlyanova.

НАПЕВЫ РОДНОГО КРАЯ

М. Кафанова

Если вы когда-нибудь попадете в Таджикистан, спросите у любого жителя этой горной страны, кто такие Пулат и Гульру. И вы услышите рассказ о громких временных борьбы с родственниками; вам расскажут, какое бодища, красавице Гульру, которая, рискуя жизнью, спасла комиссара Красной Армии Пулата, и о плаченою любви, испытуемой в сердцах этих двух отважных молодых людей.

Среди рассказчиков будут и такие, которые станут уверять, что Пулат и Гульру живы, даже вызывают проводить час до их дома. Кто-то скажет, может быть, сейчас, каком-нибудь кинешке найдутся люди, чья судьба склоняется с судьбой Пулата и Гульру. Но легендарные героя жизни прежде всего в сердце народном, в народной памяти. Их образ запечатлен в романе Рахима Джалила «Пулат и Гульру» и в однокименой опере молодого таджикского композитора Шарофиддина Сайфиддина.

...Шарофиддин, мальчишеский сын ленинабадской школы Сайфиддина, болезненно любивший музыку. Челом молил Бога слушать погуны на трубе, дутаре или наье, а когда по улице проходил с оркестром отряд красноармейцев, Шарофиддин бежал за ними, провожая

до самой окраины. Возвратившись домой, он мурлыкал себе под нос только что услышанную песню. «Наша национальная музика», — говорила соседка Сайфиддина.

Но тот только отмахнулся: не серьезное, мол, это занятие.

Когда Шарофиддину было 12 лет, он узнал, что в Ленинабаде существует специальная школа, где учат игре на различных инструментах. Шарофиддин проник в музыкальную училище.

— Какой же инструмент хотел бы ты избрать? — спросили его. Из соседней комнаты доносился звук скрипки. Мальчик прислушался и показал рукой:

— Вот эту!

Напрасно пытались уговорить Шарофиддина, что ему уже поздно учиться играть на скрипке. Мальчик заплакал.

— Хорошо, я беру тебя в свой класс, — сказал преподаватель М. С. Блок. — Только помни, тебе придется работать втрое больше, чем другим ребятам.

Так Шарофиддин Сайфиддин начал заниматься в музыкальном училище. За короткое время не только научил своих соучеников, но и показал такие блестящие успехи, что его перевели в Сталинабадское музыкальное училище, а в 1947 году — в Москву.

Еще будучи учеником Сталин-

абадского училища, Шарофиддин сочинял небольшие скрипичные пьесы, используя для них народные темы и мелодии. И поэтому, когда он приехал в Московскую консерваторию, возник вопрос: продолжать ли учиться на скрипке или поступить на композиторский факультет?

Конечно, раскрывать перед затаившим дыхание залом замечательного композитора, передавать тончайшие оттенки его настроения, загигать слушателей своей игрой, будить в них самые прекрасные чувства — великая и благородная задача. Но самому творить музыку, передавать в звуках своих мечтаний и желаний это, конечно, было прелестней. И после долгих раздумий Шарофиддин наконец определил свое будущее — решил посвятить себя музыкальному творчеству и поступил в класс профессора Владимира Георгиевича Фере, одного из крупнейших знатоков восточной музыки.

В консерватории Сайфиддинов обратил на себя внимание богатым мелодическим даром, тонким чувством национального колорита. Его пение, копиантская техника, вокальный диапазон, — «Цветы Таджикистана» и «Симфоническая сюита» — заслужили всеобщее одобрение. Окрытый успехом, Шарофиддин задумал написать оперу, близкую и понятную его народу, в которой он мог бы высказать свою мысль, свою глубокую любовь к родной земле.

Сайфиддинов долго искал скрипку. Он перечитывал книги советских композиторов и таджикские и русские — в корне которых оставалась на романе Рахима Джалила «Пулат и Гульру». Все здесь привлекало молодого композитора: и высокий наклон страстей, и захватывающий драматизм событий, и цельные, сильные характеры героев. Но особенно близок был ему обаятельный образ Гульру, олицетворяющий нежность, скромность, чистоту и порывистость таджикской девушки, ее готовность на подвиг, на самоопорожжение.

Шарофиддин с огромным увлечением начал работать над оперой. Он целиком погрузился в чудесный мир таджикской народной

музыки. В памяти оживали давно, еще в детстве слышанные налевы и мелодии, вспоминались рассказы о народных героях.

— Мне не удалось бы написать оперу без той силы и энергии, которой я пользовался и соотечественниками либреттистов Файзулло Асанги и Сергея Северинова, моих товарищей по консерватории аспирантам-композиторам Эдисона Денисова, Алексея Николаева и Александра Пищрова, — часто повторяет Шарофиддин.

Опера — один из самых сложных и трудных музыкальных жанров. Композитор должен в совершенстве знать законченные, музыкальные драматургию, проникнуть в тайны выражения. И потому, конечно, то, что у молодого, неопытного музыканта не все было гладко. Случалось так, что замысел Сайфиддина не находился в рамках музыкально-сценического действия или сочиненные им вокальные номера оказывались трудными для исполнения, и тогда на помощь ему приходил театр. Певцы, умелые работой над оперой, не дожидались, когда будет написана вся партитура. Получив новый готовый кусок, они же приступали к исполнению его в ходе репетиций, предлагали изменения, поправки.

Однажды Шарофиддин привнес написанную им арию исполнительницей партии Гульру народной артистке Таджикской ССР Ханифе Мавляновой. Музыка была свежая, интересная, мелодичная. Ханифа взяла ноты и попробовала спеть. Но вдруг оказалось, что ария «не звучит». Певица приходила напрягаться, она чувствовала себя скованно, недобро, и вся прелесть музыки сразу исчезала. Решительно композитор закрыл крышки рояля.

Нет, не получалось... — устало проговорил он.

— Полосу! — Шарофиддин, а не-правильная ли тебе такая мелодия? — спросила вдруг Ханифа и запела народную песню «Кангар»! «До каких пор».

Голос певицы звучал естественно и просто, она сразу как-то преобразилась, в глазах появился молодой задор, огонек, теплота, искренний чувственность. И Шарофиддин понял: вот она, песня Гульру.

Почти целый день присидели они вместе, образуя чудесную народную молодежь, которая превратилась в ариозо Гульру в первом акте.

Год и семь месяцев писал Сайфиддинов музыку. И вот наконец в Сталинабадском театре оперы и балета имени С. Айни состоялась премьера первой национальной оперы, написанной композитором — таджиком.

Зрители с интересом следили за действием. Весь со сцены рассказывалось об их судьбах, о событиях, свидетелями и участниками которых многие из них были — о становлении Советской власти в Таджикистане, о геронимских подвигах, о дружбе русских и таджиков.

Сейчас Шарофиддин Сайфиддин работает над новыми произведениями.

Композитор Шарофиддин Сайфиддинов за работой.

КОММУНИСТЫ ВСЕГДА МОЛОДЫ

Катарина Сузанна
ПРИЧАРД

— Когда мои дети несколько лет назад вступили в партию, то и потянулась за них, — сказала миссис Макбрайди с сильным шотландским акцентом. — Но они старались убедить меня, что я слишком стара для этого, — добавила она с улыбкой.

Эта маленькая женщина вырастала большой семью. Не были совсем седые волосы, лицо, испещренное бесчисленными морщинами, но голубые глаза светились молодым огнем.

— Еще в Шотландии, — продолжала миссис Макбрайди, — я всегда удивлялась, почему у одних детей красивые теплые пальто и хорошие ботинки, а другие бегают в школу в ветхой одежонке и босиком. Я и в церкви не любила бытать, потому что там мне постоянно было видно, как же сайют: одни приходили в коричневые костюмы, другие, одетые в жалкие рубашки и носки, самое непривлекательное вид. Еще тогда я усмотревала в этом какую-то несправедливость и горячо возненавидела ее.

Женщина снова взялась за спицы. Она взяла носки для Данны, своего младшего сына. — Мы с Робом поженились, когда были совсем еще маленькими людьми, — продолжала рассказывать миссис Макбрайди. — В Австралии приехали с девятью ребятишками, надеясь, что здесь жить будет не так трудно. Но скоро убедились, что в Австралии такие же капиталисты, как и в Старом Свете.

В школе, в церкви, в домах — всюду существовала болезненная разница между рабочими и теми, кто жил чужими благами. Когда мои мальчики подросли, я поблагодарила их за рассказы о жизни рабочих. Мы все вместе ходили на собрания, чтобы узнать новое о Советском Союзе. Пристально сознавая, что на свете есть страна, где мечта об избавлении трудового люда от нищеты и бедствий стала явью...

Роб всегда соблюдал осторожность и ничего не делал отчего голову. Он опасался, что если боссы узнают, что его сыновья примкнули к «красной братии», то им плохо придется.

На этой почве между Робом и Джоком возникли некоторые проблемы. Но Роб всегда брал на себя вины, и мне почему-то доставляло удовольствие, когда Джок разбивал стул или пытался снять с сыном. Мой муж, конечно, прекрасно понимал, что мальчики правы, но его просто пугала мысль, что если они вступят в партию, то потеряют работу. Я же доказывала, что все — и Алисон, и Петти, и их мужья, и даже моя меньшая Нэн — уже давно коммунисты. Это радовало меня, и я гордилась тем, что они борются во имя того чудесного будущего, для которого мне так хотелось трудиться, когда я еще на свете не была.

Однажды я сказала, чтобы они не раздражали отца, потому что он не поймет, что коммунистическая партия в любой стране — это стальной заслон рабочих, самый храбрый и самый верный их защитник.

Катарина Сузанна Причард — крупнейшая прогрессивная австралийская писательница и общественная деятельница — родилась в 1883 году в Шотландии. Ее роман «Богатство» по трилогии «Девяностые годы», «Золотые мили» и «Крылатые семена» — посвященный истории зарождения и становления рабочего класса в первых принцах Австралии. В своих произведениях К. С. Причард дает широкую картину жизни трудового народа Австралии, ее проблем, ее будущего, обозначая наследство детской эпохи.

Писательница является большим другом Советской России. Ее романы переведены на многие языки и читаются в школах Австралии. Книги К. С. Причард — это произведения, которые вдохновляют на труд, на борьбу, на социалистическое государство, а также на любовь к своему обществу. А. П. Толстой. Публикуемый сегодняю огнием «Коммунисты всегда молоды» написан автором для «Смены».

Миссис Макбрайди поведала мне также, что ее дети всегда были чем-то заняты и чрезмерно серьезны. Они вечно посыпали какие-то курсы и собрания. И вид у них постоянно был немножко таинственный. Даже разговаривая с матерью, каждый склонился на слова, чтобы не сказать лишнего...

Джок уволился с завода за участие в демонстрации. Но он очень быстро нашел другую работу, по его словам, еще лучшую, хотя жалованье было мизерное, а иногда он и вовсе ничего не получал.

Рис. А. Паукова.

Но тем не менее Джок всегда был аккуратно и пристильно одет. Об этом заботилась мать. Она чистила и гладила его брюки, перелицовывала воротнички и манишки рубашек, чинила ему белые и вязаные носки. Сам Джок даже не замечал, что его вещи приходят в ветхость. Но братя и сестры следили за этим и время от времени покупали ему все необходимое.

Они знали, что Джок был секретарем недавно созданной в нашей районе партийной ячейки, — спать погрузилась в воспоминания миссис Макбрайди. — Иногда он чуть озабоченно и взволнованно говорил мне: «Мама, можем завтра вечером устроить у нас небольшое

собрание?» «Конечно, сыночка», — отвечала я. «А ты последишь, чтобы отец неожиданно не нагрянул к нам?» — спрашивала он. И я обещала: «Постараюсь, родной».

Я уже чувствовала, что не могу больше оставаться в стороне от тех дел, которыми были заняты мои дети. Однажды, когда Джок работал у себя в комнате, а Нэн что-то ему печатала на машинке, я отнесла им чай и сказала: «Я тоже хочу вступить в партию, Джока. Ты слишком стара, мама», — отвечала я.

Нэн попробовала утешить меня. «Ничего, мама», — сказала она. — При желании ты всегда сможешь помочь нам — хотя бы делать цветы и банты ко дню Первого мая, продаивать книги на собраниях».

Джок был тогда очень занят, — заметила миссис Макбрайди, стараясь оправдать сына: — Он в то время только и думал о газете, которую ему и Нэн предстояло выпустить на другой день.

Миссис Макбрайди последовала совету дочери. Но она не только делала цветы и распределяла литературу на собраниях, а еще убирала помещение перед началом концерта, писала адреса на конвертах, варила кофе, одним словом, не пнувшись никакой работой. Каждую свободную минуту она читала книги и брошюры, которые Джок приносил домой, стараясь узнать как можно больше о коммунизме. Нелегко ей было выкроить эти свободные минуты, найти время для того, чтобы на-кормить и обстирать свою большую семью, содержать в чистоте и порядке дом, всегда иметь наготове постель и место за столом для какого-нибудь приезжего товарища. Миссис Макбрайди все это делала с большой любовью: ей приятно было чувствовать, что и она приносит пользу, хотя дети считали ее «слишком старой для того, чтобы вступить в партию».

Когда началась война, сынок Эндрю и Джордж отправились воевать в Северную Африку. Тоже было матери принести таинственную жертву испепеляющему вихрю разрушения и смерти. Но она понимала, что эта война отличается от других войн, в которых боячились втягиваться рабочих. Она понимала, что до тех пор, пока фашизм не будет разгромлен, для рабочих не может быть разгромленного будущего. «Ничего, мама, не надо отчаяваться», — успокаивал ее Джок. — Мне тоже хотелось оттеснить ее к Эндрю и Джорджам. Но они сражались на фронте, а я — на другом. Мне надо оставаться здесь. Нельзя допустить, чтобы фашистские прихвости в Австралии, воспользовавшись войной, уничтожили то, за что пролившие кровь на фронте тысячи таких, как Эндрю и Джорджи.

— А очень скоро выяснилось, что именно имел в виду Джок, — сказала миссис Макбрайди. — Правительство Мэнсона запретило Австралийскую коммунистическую партию, и она ушла в подполье. Было похоже, что в нашей

стране начнут преследовать и уничтожать антифашистов, как однажды время в Франции.

Джоку и Нэн пришлось скрываться. Не раз полицейские пытались выведать у меня, где они прячутся. Однажды один из шпионов спросил меня: «А куда ведь син девает деньги, которые он получает из Москвы? Но что он их тратит?» Я показала ему лучший костюм Джоку — брюки там износился, а пиджак на некоторых местах был прорван. «Он не получает никаких денег из Москвы», — сказала я. Равно по этим брюкам вам не ясно! Я спрятала все газеты и книги, которые вдруг сбывались крамольными. И хотя полиция перевернула все в доме вверх дном, ей не удалось обнаружить ничего такого, что она искала.

Однажды кто-то из растерявшихся товарищ привел к нам во двор печатный станок. Я успела запретить его в недежное место. Впоследствии этот станок очень пригодился мне. Я научилась набирать и печатать статьи, которые тут же писались от Джока. Я продолжала печатать для коммунистов и после того, как его арестовали.

Обо всем этом миссис Макбрайди рассказывала мне с улыбкой. Слици, ни на секунду не останавливаясь, мелькали в ее руках, а глаза светились задорным молодым огнем. «Мой Эндрю и Джорджи где-то за окном сражались против фашистов...» — возмущалась она, — здесь, в Австралии, мэрвэзы отхлынули за Джоком и Нэн! Не права ли, дико! Это до того вывело из себя Роба, что и он в конец концов не выдержал и сказал: «Мы не позовем никого, чтобы наши сыновья нанесли удар в спину!» И все время, пока коммунистическая партия была вне закона, мы с Робом сообща работали для нее.

Когда я впервые пришла лейбористки, преводившиеся прекратились, и я передала печатный станок вместе со всеми книгами представителю партийной ячейки. «Почему же вы до сих пор не в партии, миссис Макбрайди? — спросил меня этот товарищ. «Видно, у вас слишком стара», — ответила я. — Так сказали мои дети, когда я хотела стать коммунисткой». «Сколько вам лет?» — поинтересовалась незнакомка. «Столько, сколько Сталинин», — ответила я. «Но ведь не были «спицами старых», чтобы печатать листовки и распространять их в те дни, когда партия находилась в подполье, — добавила она, улыбаясь, и какой-то хитрый огонек загорелся в ее добрых, помахивающих глазах.

Он тут же написал мне рекомендацию, и через несколько дней меня приняли в партию. Вскоре Джоку выпустили из тюрьмы. Когда он вернулся домой, я показала ему свой партийный билет и сказала: «Вот посмотрите, товарищи... Все-таки твоя мать не так уж стара, чтобы ей нельзя было стать коммунисткой. Хочу еще сказать тебе, что твой отец сейчас — казакша нашей районной партийной организации».

Джок рассмеялся и так прижал меня к себе, что я чуть не потеряла кость в носу, и чудесно воспенил ее. Тогда я в сопле дала тебе версию: «Чему? — спросила я. — Кому, что коммунисты всегда молоды...» Этот Эрвин Кин как-то сказал о Кларе Цеткин: «Ее душа всегда горела молодым огнем борца. У всех настоящих коммунистов пытает в сердце этот неусыпный огонь. Ведь они знают, что слушают величайшему делу на земле — дело освобождения человечества от нищеты, кровавых войн и эксплуатации».

«Да, — вздохнув, закончил свой рассказ миссис Макбрайди, — только это помогло мне перенести страшную боль о гибели Эндрю и Джорджа на фронте. — Не дожидаясь подхватывающей горячей мати, — говорила она себе. — Ты коммунистка, этой далий придется бороться за счастливую долю людей. Не ты одна потеряла своих сыновей в этой войне. Твоя же участница постигла тысячи и тысячи матерей. Но многие из них еще не понимают, что прежде всего они должны поднять свой гневный голос против поджигателей новой войны. И ты, коммунистка, должна помочь им понять это... Какая великая радость — работать для дела мира, благополучия и счастья всех людей на земле!»

Переведена с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

О РОДИНЕ, О СЧАСТЬЕ

А. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

НЕПРИМЕТНЫЙ ПОЛУСТАНОК

Запит путь огнями привокзальными.
Паровоз открылся, устав.
Нам настручу с новыми комбайнами,
Громыхая, движется состав...
Это вот отсюда, с попустушки,
Встали те комбайны в зшелон.
А когда-то здесь грузили танки
И — на фронт, на фронт, врагу в догон!
Может, к этим танкам на Одесчине
Или там, на Кавказине милой,
Дети истощенные и женщины
Из бомбоубежищ выходили.
А теперь, лягу, утром ранним
Детвора сбегается на станции,
Чтобы пересчитывать комбайны —
Те, что на селе у них останутся,
Те, что полевые колхозным станам,
На переставах, шлет и шлет
Этот неприметный полустанок
У прямой дороги на восход.

г. Ворошилов-Уссурийский.

Евгений ГОЛУТВА

НАД МОРЕМ

Над морем ночь крылом своим взмахнула.
Отиг погасла склонки голоса...
Лишь там, где в море сонца утонуло,
Еще горят багрянца полосы.

Да на бухах светящиеся зари
Мигают, будто в поле светляки,
С гармошкой собрались на полубаке
Свободные от вахты моряки.

Поет гармонь, и в звонком перворебре
Я слышу грусти «братишко»-моряка
По тем местам, где роны шумят, как море,
И дремлет речка в рамках познания...

Там мимо берега каждая знакома,
Там дорог каждый ланчшик на лугу.
И чем я дальше нахожусь от дома,
Тем крепче край тот в сердце берегу.

И пусть сегодня снова по тревоге
Уйдет корабль в поход на много дней...
Мне ничего не страшно. Все дороги
Пройду я вместе с Родиной моей.

г. Уичча, Бринской области.

С. МИЛОСЕРДОВ

ТРИЖДЫ СЧАСТЛИВ ТОТ...

Трижды счастлив тот,
кто у взорванных скал
в шуме вспененных вод
вдохновение искал,

кто, как птица в полет,
рвется к жизни, к труду,
кто построил завод,
кто добыл руду,

тот,
кто в будущий век
входит так:
если надо —

с лопатой,
если надо —
с гранатой,
сквозь огнь атак.
Нет,
не мне из окна
наблюдать, как луна
заливает светом бульвар.
Мне милее тайга, целина
и летящие луны фар
там, где ветром набыты
столы даже в коротком сне,
где поет о походном быте
котелок на огне,
где сохозные гуртоправы,
трактористы и косары
самой громкой достойны

славы,

г. Тамбов.

Владимир ДЕМИДОВ

УТРО

Звездочин над шахтою потухли,
Свет других горен из-под бровей...
Сапоги солдатские
И туфли
Вматали оставили в траве.
Первые —
Подковкою широкой,
А вторые —
Острым наблюком.
Это здесь любовь своей дорогой
Пронесла надеждан в чей-то дом.
Путь ее мне дорог и понятен.
По утрам ленится на нем роса.
Птицы пьют росу из этих вмятин,
Чтобы чище стали голоса.

* * *

Пахли по-весеннему цветы,
Те, что думал подарить тебе я...
Ты скажи мне,
Ты скажи мне,
Ты или не ты
Приходили в школьный сад, ребята?
Больно с полночной высоты
Ворвалась непрощенная дата...
Ты скажи мне,
Ты или не ты
Провоняла на вокзал солдата!
В первый раз засек спокойно стыл,
Люди и орудия устали...
Ты скажи мне,
Ты или не ты
В сверкающе стонши на пьедестале!

г. Горловка.

Нагата Хисано была ребенком, когда над ее родным городом Нагасаки взорвалась атомная бомба. Ее мать погибла, а Хисано осталась в живых, но лучшая болезнь — последствие взрыва — вот у нее двенадцать лет поддается может — заживо деревьями, и в себе силы пройти большой путь из Японии и принять участие в Московском фестивале. Выступая на Манежной площади в ознаменование грядущей манифестации за мир и дружбу она призывала молодежь еще раз штольне бороться за запрещение ядерного оружия и добиться мирного способа, никогда больше не повторялись ужасы Нагасаки и Хиросимы.

Фото М. Муразова.

Никто из делегатов фестиваля не забудет того горячего приема, который оказали им москвичи. Задорно пели, как могли, друзьями приветствовали жители нашей столицы посетители Черной Африки.

ФОТО А. Становова.

Праздник девушек... Это был вечер, заполненный интересными встречами, сопровождавшимися как несомненное знакомство в парке ЦСКА девушек из Финляндии и польских юношей.

Фото М. Галкинин и
А. Становова.

Каждый гость Москвы хотел увезти с собой какой-нибудь сувенир, который напоминал бы ему о событиях отмечательных дней праздника. На снимке: участники фестиваля покупают памятные значки.

Фото Г. Ворисова.

На Московском Фестивале было представлено искусство всех народов Советского Союза. На снимке: делегатка фестиваля народная артистка Киргизской ССР Виктория Бекетова исполняет национальный танец.

Фото Л. Ракина.

В программу III Международных армейских спортивных игр были включены соревнования по стрельбе из лука. На снимке участница соревнований польская спортсменка Юргаля Гуратовская.

Фото А. Мондасова

Когда любишь...

Очерк

Это было первое бакинское знакомство... Вечер наступила внезапно, как всегда бывает на юге. Зажег кружевные чистые звезды на темном густом небе, успокоили бушившие ветры, дикий Кастань. Бесконечными нитками жемчуга пронзил вдоль улиц цепочки электрических огней, а широкие площади словно украсили дорогими сокровищами. Буйно цветли олеандры, осмыкались розы, и воздух, казалось, пропитан был ароматом цветов, томиком, пьянящим.

Я вышла на балкон и тут же отпрынула. Рядом, на смежном балконе, высокие паренеки крепко держали в объятиях темнокурую девушку и горячо целовали ее. Двери из комнаты на балконе были раскрыты настежь, и стояла там яркая вспышка потока света. Их могли видеть с улицы, из множества окон огромного здания гостиницы. Но это, по-видимому, и в голову не приходило влюбленным. Когда спустился долгие времена в вышли снова, они все еще стояли обнявшись. Я уже решила было уйти, но девушка извигла замятину меня, испуганно вскрикнула, закрыла лицо ладонями и спряталась за широкой спиной перины. Оттуда обернулась я, и меня смущались, плохо выговаривая русские слова, сказали:

— Это... знаете... невеста моя. Саадат...

Но другой день парень поставил свою жену на носмерт и очень недовольно завизжал:

— Познакомиться хочу. Вы вчера меня... видели.

Оказалось, Расул — комсомольский работник. Вернее, был им со самого последнего времени. С этого завязались разговор, доверительный, непринужденный. Парень покачивался в плетеном кресле и, щательно подбирая слова, рассказывал... Он говорил о смуглой темнокурой девушке тепле и восторженно, иногда грустно. С истинно юношеским темпераментом обяснял, какая она интимна, какая красива. Не уставал сам себя обнимать любящую, тогда про拙ывавшую в его словах большую сердечную болю. Постепенно Расул открыл мне все историю их знакомства и дружбы. А через рассказ о прекрасной Саадат я отчетливо увидела и его самого.

Веселого, энергичного секретаря райкома комсомола Расула Гаджиева в маленькой городке знала вся молодежь. Он был спортивным спортсменом, увеличившим в ходе спортивных соревнований в городском парке, заповедном, чистом, умел грациозно и верно другнуть. В нем видели прежде всего простого, хорошего человека. А оттого, что этот простой, хороший человек стоял во главе районной комсомольской организации, он был еще более любим иуважаем. Три года назад его «перетянули» в райком с хлопокперерабатывающего завода, посыпали на должность инструктора, а на первой же конференции выбрали секретарем.

Заняв секретарское «кресло», парень ничуть не изменился, остался тем же, добродушным, очень доступным. В кресле своем он почти не сидел, разве только на заседаниях бюро. Мотался по району на потрепанном рай-

комовском мотоцикле, а когда тот времена от времена приходил в негодность, Расул договаривался с колхозом, находившимся недалеко от района, брал скакуня иноссялся на нем от аула к аулу.

Он прекрасно знал свой район, его экономику, его людей, особенно молодежь. Руководители колхозов относились к Гаджиеву с большим уважением, но сказывалось, что расценивали его и возможности комсомольцев, и часто в трудную для района минуту с сомнением, встречали его

темпераментными предложениями поднять комсомол им на помощь. Правда, они всегда потом стыдились этого своего недоверия, потому что Расул и его райкомовские товарищи умели поднимать юношескую и девушек, работали сами, зажигали, свой духом, драматизмом. С комсомолом молодежи района выходили в передовые по сбору зерновых, по животноводству.

Короче говоря, комсомольский секретарь Гаджиева был не только веселым, общительным парнем, но еще и очень деловым, хозяйственным человеком.

Саадат он встретился в Баку, на фестивале. Девушка пела с открытой эстрады в парке Кирова. Высокая, гибкая, в белом платье, она показалась Расулу похожей на нежную розу, только что распустившейся под первыми лучами пасхального утреннего солнца. Конечно, Расул был восхищен. И сразу же, не отрывая глаз от девушки, начал вдохнуть в ее лицо обогруженное воображением, и ему всегда говорили в этом товарищи, — но девушка в белом и вправду напоминала прекрасный цветок. Расул смотрел на нее с откровенным восхищением, затянувшись, слушал ее голос, звонкий и чистый, словно хрусталь... Песня Саадат переливалась на высоких нотах легко и свободно. Девушки смотрели снизу головы припрятых слушателей куда-то вдали, светло улыбались и пела. Песни о цветах, о солнце, о любви.

Когда она кончила петь, она спустилась с эстрады и подошла к Расулу, захватив у стоявшего рядом приятеля Мамеда Гагиева букет роз, предназначавшийся Леше Каткову — вратарю районной футбольной команды, в победу которой оба они верили беспредельно, — протискался вперед, остановил девушку в белом и неволю пронзил ей цветы. Девушка слегка покраснела, но букет взяла и даже улыбнулась в ответ.

На них уже не обращали внимания, потому что с эстрады летела другая мелодия, и другая девушка, чутко прищурившись, лукаво смотрела на завороженных ее искусством слушателей, и расцвелась. А Расул стоял рядом со своей новой знакомой и думал о том, как горючо будет, если она уйдет и они больше не встретятся.

Но девушка не ушла. Когда закончился кон-

Рисунок В. Каменского.

церт, она доверчиво посмотрела на Расула и спросила:

— Значит, вам... понравилась моя песня?..

— Очень! — Расул воскликнул это так искренне, что девушка опустила глаза.

Я рада.

Тут вспомнился Мамед. Он всегда был нахальный, и это его качество оказалось сейчас как нельзя более кстати. Завязалась разговор. Расул узнал, что девушка — студентка консерватории, будущая актриса. Втрове они долго бродили по нарядным аллеям парка, украшенным пестрыми гирляндами и цветными фонариками. Мамед купил еще один букет роз, и они преподнесли его вратарю Леше Каткову, несмотря на то, что его команда на этот раз позорно проиграла со счетом 0:4. Лешка, конечно, было не по себе от такого подношения, и он смутился, удалив из рук расцвеченную розу. И потому что девушка держала цветы, обвязав обеими руками, Расул никак не мог взять ее под руку. Они много смеялись, пока не было очередь с Мамедом, приглашавшим Саадат танцевать. Расулу казалось, что такого чудесного, такого светлого дня для него еще не бывало в жизни.

Так началась их дружба.

От районного центра, где Расул Гаджиев работал секретарем райкома комсомола, до стадиона имени Бабушкина было недалеко пешком, и он стал приезжать в Баку на воскресенья. Останавливались Расул в семье своей старшей сестры. Впрочем, сестра его почти не видела. Расул наскоро здоровался, передавал приветы от родных, вручал посланные материю корзинки с фруктами и убегал на весь день. До позднего вечера он был с Саадат.

Вместе ходили в кино, катились на лодке, гуляли в парке. А чаще всего отправлялись за город. Уходили на южный берег, где грозились в живописном беспорядке огромные природные камни. Тщательно отшлифованные, они имели причудливые, причудливо разнообразные и невероятно забавные формы. Они похожи на игрушки младенца-великаны. Саадат говорила, смеясь, что в тихие темные ночи, когда весь Баку крепко спит,

ими играет сам Каспий. Она будто бы замечала даже, что огромные глыбы бывают иногда передвигны с места на место.

Расул и Саадат всегда взбирались на один из тих же камень, который был очень похож на приготовившегося к прыжку фантастического зверя. Они устраивались на плоской спине окаменевшего чудовища, любовались величавыми бескрайними Каспием, слушали то тихий и вкрадчивый, то грозный и разъезренный разговор воли, говорили сами. Здесь, у моря, сказано было много хороших слов. Здесь Саадат напевала свою мелодесным голоском захватывающие забайкальские песни. Здесь она ответила, что тоже любит.

После долгих уговоров Расул отважился наконец прийти к Саадат домой. По натуре совсем не робкий, он терял это золотое качество при одной только мысли о встрече с отцом Саадат, который, по словам дочери, был довольно известным человеком в научных кругах республики. Расул стеснялся предстать перед родителями Саадат в качестве же-

башка подчеркивали стройность его фигуры, оттеняли ровный, золотистый загар. Жена его тоже была одета с большим вкусом, гордо несла маленьющую красную голову и говорила мягко, мелодично, словно прислушиваясь к своему голосу.

Расул любил красивое, ценил умение людей со вкусом одеться и сразу почувствовал симпатию к родителям Саадат. Но как только он уловил жесткую, оценивающий взгляд хозяйки дома, скользнувший по его kostому, насторожился. Приглашая к столу, она приветливо улыбнулась и Расул почутил ее фальшив в этой улыбке. Сам Султанова приветствовал гостя с некоторым беспокойством. Слушал ее глаза и во время обеда не проронил ни слова.

Расулу стало и не тепло и не свободно в доме Саадат. Даже сама Саадат показалась ему другой в этой богатой гостиной. Она словно сделалась холоднее, сдержаннее, манернее. Во взглядах, которые Саадат искоса бросала на Расула, он замечал тревогу и недовольство. Хозяйка дома легко, в светском то не расспрашивала гостя о его семье, понти-ресовалась возможной перспективой в работе, осторожно полюбопытствовала, какие окла-

водить ее на берегу. Саадат предложила Расулу посмотреть пока альбом с видами европейских городов, в которых побывал Султанов, и торопливо вышла вслед за матерью. Вернувшись она не скоро, расстроенная матерью, плакала. Плотоядно прикрыла дверь, с укором произнесла:

— Вот видишь... Говорила я, чтобы ты с мамой поболее был. И потому... отчего тебе на самом деле не пойти в институт?

Расул смолчал. Внимательно посмотрел в черные, чуть раскосые глаза Саадат и не увидел в них прежней радости.

Через неделю они снова встретились и снова пришли на «ярикай» берег. Была глубокая осень. Море дышало тревожно и тяжело. Волны с бешеною злобой бросались на берег и в отчаянии разбивались о камни. Даже такой — злой, непривлекательный — Каспий был все равно красив.

Расул хотел сказать Саадат, что на душе у него тоже тревожно и тяжело, как сегодня на море, потянулся, чтобы взять ее за руку и привлечь к себе, но девушка спрятала руки в карманы и, покрутив головой, спиной к морю и озабоченно заговорила о чужом-то модном портном, у которого он, Расул, непременно должен сшить новый kostюм.

— У меня ведь совсем скоро день рождения,— пояснила она.— Будет много гостей. Но ты из них самый желанный.

Расул понял, что Саадат хотелось видеть его на своем празднике красиво одетым, не хуже, чем ее многочисленные знакомые. Он не видел в этом ничего обидного и плодового. Неборот, забыть Саадат радиовала его. Но зачем же она такое значениекладывала в разговор о kostюме, словно это было самое важное?

Такие разговоры были непривычны Расулу. Но он старался поскорее забывать их. Ведь все оставалось по-прежнему. От поездки до поездки он получал из Баку кучу писем. Все они были написаны одной рукой, все они говорили о любви торопливой с приездом. Письма откровенно рассказывали, как тоскует Саадат о своем друге.

Однажды он получил телеграмму. Девушка просила срочно приехать. Обеспокоенный, Расул выехал сразу после работы. Он позво-

них из единственной, неповторимо красивой, умной и талантливой дочери.

...Саадат широко раскрыла дверь, легонько подтолкнула его. Расул вошел в просторную гостиную и растерялся. Дивные ковры покрывали весь пол, стены и расставленные по углам низенькие диванчики. В глубине комнаты стояла антикварная лестница, покрытая яркими, из многочисленных столов, горок, полочек красовались изящные статуэтки и дорогое безделушки. Круглый обеденный стол был сервирован, как в лучшем ресторане.

Расул поразился, как молодо выглядели отец и мать Саадат. Очевидно, это исходило от умения одеться, от привычки тщательно следить за собой. Султанов в пятьдесят лет был просто красив. Спортивного покрова светло-зеленый kostюм и легкая клетчатая ру-

мы у комсомольских работников. На ответы она никак не реагировала, сохранила любезное и отсутствующее выражение лица. Саадат при каждом слове Расула взглядала то на мать, то на отца. Ей очень хотелось уловить, какое впечатление на них производит ее любимый. Когда Расул сказал, что мать у него хоть и старенькая, а до сих пор работает уборщицей в детском саду, Саадат покраснела и от неожиданности даже всплеснула руками:

— Ты мне этого раньше не говорил...

— Ты не спрашивала,— мягко ответил Расул. Обед кончился холодно. Саадат обустроила стол и поцеловала родителей; отец выразил сожаление, что занят и не может остаться в приятном обществе молодого человека, мать склонила, что нездорова, и попросила dochku про-

ник ей прямо с вокзала. Саадат вышла из дома, она спряталась возле памятника Низами. Всесоюзного поэда, девушка усидела на скамейке и рассказала, что заявив начальство о своем намерении выйти за Расула замуж. Родители вначале ответили на это решительным, несогласием, но когда Саадат припнула их, что все равно сделает по-своему, пошли на уступки. Долго обсуждали, куда пристроить Расула в Баку, и нашли очень удобное и подходящее место. Тут Саадат лукаво сверкнула глазами и сделала паузу. Ра-сул молчал.

— Ты будешь работать старшим инспектором в банке и учиться в финансовом институте — выпалила наконец Саадат и выжидая-що посмотрели на Расула.

Он боялся ее отговорить, но все-таки сказал:

— Мне не нравится эта специальность.

— Что? — замахала руками девушка. — Мама говорит, совсем не трудно. И все тебя умели учесть и будешь: директора, магази-ны, трактористы...

— Ма-ма! — переспросил Расул.

— Ну да! Она говорит, что специальности у тебя пока нет... Надо подготовить себе прочное будущее. Даже не тебе, а... нам, —тихо поправилась она и нежно погладила его руку.

Расул улыбнулся от ее присоснования и вну-тренне скакал от ее слов. А Саадат продолжала нежно гладить его широкую ладонь и так же нежно говорить жестико, обидные слова:

— Ты переедешь в Баку... Будешь получать в два раза больше, чем сейчас... Тогда через год мы сможем пожениться...

— Как через год? — вырвалось у Расула.— Почему?

— А может, и раньше... — успокоила его Саадат. — Достаточно будет накопить тысяч пятнадцать. Папа добавит. Мы купим квартиру, пи-нико... Мебель закажем в Таллинне...

Расул медленно отстранил ее руку и ехал...

— Я подумал...

Он успел сразу же, с ночных поездом, двери и окна сестры. Уехал с тяжелой душой, мрачными мыслями и, теплотой от присоснования ее руки. Было совершенно ясно, что разделить с ним ту жизнь, которой жил Расул, Саадат не захочет. Она слишком привыкла к роскоши, к большой обеспеченности и не представляет иной обстановки. «Но ведь это не из этических соображений», — успокаивал себя Расул. Она хочет роскоши и обеспеченности и для него. Для нас обоих...»

Расул пытался представить ковровую гости-ную своей собственностью, но не получилось. Ему хотелось, чтобы в коридоре, под лестницами, в ее комнатах стояла светлая и веселая, снять тяжелые шторы и настяжень раскрыть окна. Ему хотелось пригласить в эту гостиницу Мамеда и других своих друзей-ком-сомольцев, накрыть стол по-простому. Пустыне не будет на нем только что со льда, тяжелых, запотевших бутылок шампанского, пусть в кувшинках со стеклом пригото-ленное мяту молодое вино. Пусть Саадат выйдет к гостям одета в недорого платье. Они и в нем будут красивы... И вдруг Расул увидел перед собой чутко раскосые и очень родные ее глаза, вспомнил ласковое присоснование руки и опять понял: для нее только для нее одной! Он, покрути, готов уступить. Готов... Только бы видеть радость в родных раскосых глазах.

А наутро он опять очнулся в своем райко-мском баботы. Позовали председатель рай-исполкома, пригласили посмотреть утвержденный наконец проект Дома культуры для кол-хоза «Хемчукин». Расул прикинул, что строительство потребует комсомольского глаза, что надо бы заранее позаботиться о кадрах для Дома культуры, что хорошо бы найтъ специалистов с музыкальным образованием, молодых, инцидентных ребят. Он уже наде-палась, как бы бывший тракторист, врага рабочих, привезенный со главы в широких, задорных штанах, Айза — трактористом из близлежащей МТС. Разогнали руки, перебивая друг друга, они стали объяснять, что механик за-прятал их из старых запчастей и давно спи-саных машин собирает трактор, а директор МТС, конечно, разрешил бы, но его сей-

М. ПИЛИПЕНКО

Сердце

Кто хочет — тот в жизни отыщет дорогу,
Осилит любую печаль и тревогу,
И песня — желанье было б — польется.

Но сердце —
Оно одному отдастся...

...И ты ведь подаришь его у рыбины,
Но только смотри, не дари половины.
Швырнешь половину скопом рукою,
А что будешь делать вот с тою,
Другою,

Вот с тою, забытой, другой половинкой,
Что где-то промерзла обломанной

льдинкой!

Холодная льдинка, а все же не простая —
Она ведь когда-то нежданно растет,
Столкнется с красивым, доверчивым,

— смелым —

Захочется сердцу быть сильным и целим.
Взвольется под небо, как птица шальная,
И станет метаться, тебя пронеслия.

...Так вот, если сердце взгрустнет
у рыбины,

Его не дели ты на две половины.

А если разделишь, то, значит, пустое,

О нем и печальться, значит, не стоит.

г. Свердловск.

час нет, въезде, и они не знают, что делать. А ведь машина на уборке опять не хватает...

Расулу так захотелось обнять всех этих славных ребят и сказать: «Плюньте на механизмы! Собирайте трактор. Даже если на нем потом в поле не выехать», — все равно дело хорошее... Но он вспомнил о дяде Илье, связавшемся с Техникумом МТС, договоренность. Ребята разогнали рабочего, а едва закончили, опять поднялся гвалт, только уже радостный. Приподброденные, полные трудового энтузиазма, парни так же стремительно вывалились из кабинета.

Потом Расулу пришлось ехать на молочный завод и помогать членам комитета воевать с начальниками цехов за то, чтобы перевести в утреннюю смену молодых рабочих, которые учаются в вечерней школе. А к концу дня он вместе с Нуридой Алиевой, заведующей отделом школ, попал на ученительскую конференцию.

В горячке работы, в спорах, делах, столкновениях неожиданных, неожиданных раз-решений, словно чужое, его собственные мысли. Вспоминались с непривычно и раздражением. Нет! Как бы ни была «сильна» любовь, не стоять ему себя от друзей, от дела, которое он считает большим, увлекательным и очень нужным.

Только дома, после ужина, когда мать ушла в свою комнату и Расул остался один, ему опять стало казаться, что главное в его жизни — не комсомольцы с молокозавода и не Дом культуры в «Хемчукине». Главное — Саадат. Без нее не придет счастье. И так каждый день: пока он находился в районке, ездил по району, пока был полон забот, — то-дела, которое не успевал выполнить. Самое слово стояло передо мной, за его спиной, — «занят». Но онился рабочий день, Расул оставил один, и тогда он принадлежал ей. Саадат озлялась всеми его мыслями, диктовала желания. Он перечитывал ее письма, вспоминал подробности последней встречи. Она словно приходила к нему, красивая, нежная, желанная. Приходила и звала к себе. Расул решал в ближайшую же субботу ехать в Баку, несмотря ни на то, что по всему району опять назначены субботники и ему необходимо было с ребятами. И он складывал свою обязанность в пакеты горючего, семечек, зерна, и в этом утромине счастья, но все-таки ехал. Встречал Саадат, которая кончала утромину, забываясь субботником, рабиком, беспокойные парни из МТС...

Встречи становились все теплее и радостнее, расставания — мучительные и ненавистные. Разогнали о переезде в Баку, квартире, деньгах все меньше и меньше обижали Ра-сула. Саадат любила его и хотела счастья. Для них обоих! Разве это плохо?

«Каждый человек хочет счастья», — размышлял Расул. — И для каждого оно разное. Веселая Нурида ждет возвращения со службы простого солдата Ибрагима Гашимова. Она приведет его в дом своей матери, маленький, из двух комнат. Она не находит в день свадьбы времени для того, чтобы поговорить с бывшим фронтовым девушкой. Ибрагим станет рабо-тать библиотекарем в МТС, и это инчуть не огорчит ее. Нурида будет счастлива. А Саадат. Ее счастье должно быть совсем другим. Потому что и она другая...»

Расул пугался в своих мыслях, отступал от прежних убеждений, утверждавших во мнении, что его невеста — нежный, редкий цветок, который надо очень беречь. Ему становилось невероятно трудно жить. Ведь пора было решать: какие же счастье его! А решить он мог оттого, что знал двух Саадат, ту которая училась в консерватории, готовилась к се-ансамблю «Баллада», которая вкладывала в песни хорошую, светлую душу и очень любила свободное и непосколько море, и другую, испытывающую начать жизнь без пятнадцати тысяч на книжке, без талисманов мебели, нового платья ко дню рождения. И все же ему были дороги обе Саадат, он любил их обеих. Оказывается, так бывает. А прежде Расул не поверил бы в это.

...Он пришел к управляющему банком и, пряча глаза, подал записку. Тот быстро прочел, широко улыбнулся, радушным жестом пригласил сесть. Расул не знал сидеть, потому что она сидела на стуле, на котором усе-дило, приводящего куда-то выезды, и раз-говор состоялся короткий. Расул было пред-ложено с понедельника выходить на работу. Одновременно он подал заявление в финансовый институт. Начиналась другая жизнь.

Расул шел в эту другую жизнь не с откры-той душой. Но шел сознательно. Его долго не отпускали с работы обком ВЛКСМ. Секретари угрюмались, упрещали, взывали к его ком-сомольской совести. Но довод был веский. Ра-сул заявлял, что хочет заочно учиться в финансо-вом институте, а для этого необходимо работать в финансовых органах, куда он и на-мерен поступить.

Был занят новый работы он ощущал сейчас же. Ему давали высокий оклад, включая в список на получение квартиры в доме, который строили предполагали сдать через несколько месяцев, а пока предоставили номер.

— Вот и все, что рассказал мне тогда сосед по гостинице.

Я поинтересовалась, в чём же заключаются его служебные обязанности. Расул устало махнул рукой и некоторое покосился:

— Ревизии. Магазины проверяю, склады, рестораны.

Он задумался. Потом выговорил тяжело, глухо:

— Не об этом мечтал... Но, знаете ли, на все пойдешь... на часа к, спахватившись, застесши.

Я в этот день долго ждала телефонного разговора с далеким городом и невольно стала свидетельницей еще одного эпизода из жизни Расула Гаджиева.

Быть может, со соседнего номера гремела телефоника официантки. Привозили из ресторана ужин, то подавали вино, то убирали грязную посуду. Звенели тарелки, ножи, бутылки. Весь вечер в соседнем номере пили и скорбили. А потом, я отчаянно услышала через раскрытое окно разговор, который, по-видимому, не предназначался для посторонних. Сначала на балконе говорили двое по-азербайджански, и я не обратила на это внимания. Заметила только, что один из них был Расул и что разговор шел явно в повышенных тонах. Но когда появился третий голос и на чисто русском языке грубо спросил: «Договорились ли мы?» — я насторожилась.

Ему ответил Гаджиев, тот, с кем спорил Расул. Густым пыльным басом, смачно выругался и с диким акцентом заявил:

— Дурак он! Денег не берет.

— Может быть, малой — вкрадчиво спросил другой.

— Десять тысяч! — поспешно выкрикнул пыльный бас.

Стало тихо.

Я поняла, что инспектору предлагают взятку. И по тому, как долго тянулась пауза, почувствовала: Расул колеблется! Это почувствовали и те. Русские осторожни замтили, что никакого риска нет. Они все уладят. Только не надо тянуться в акте недосточасту ювелирного отдела. Через пару дней «товарищ инспектора» можно еще раз проверить и убедиться, что они не соврут.

Расул молчал.

— Ну так как? — торопил бас.

Было тихо-тихо во всей огромной гостини-

це. Было тихо во всем городе. Мне показалось, что не слышно даже, как шумит Гаджиев.

— Говори! — снова посыпалась бас.

И Расул наконец ответил. Чуть слышно, но твердо он сказал:

— Нет!

Я облегченно вздохнула.

Долго еще нервно ходил кто-то взад-вперед по маленькому балкончику, долго ругался глухой бас и упорно молчал Расул. Наконец затихли тяжелые шаги, хлопнула дверь балкона. Гости пошумели еще в номере, потом внезапно смолкли и довольно тихо разошлись.

Наутро я уезжала. Когда спускалась с четырех этажей, я увидела Расула. Оншел насторож, бледный, сонливый. Поравнявшись со мной, стал смотреть в сторону и прошел, сделав вид, что не заметил.

Я поняла: парень стыдился пыльной оргии, разыгравшейся в его номере прошлой ночью.

* * *

Меня встревожила тогда судьба этого молодого человека. Помню, очищая кипу бумаг перед логотипом с ними, но скромный отезд спутал все намерения. Признаюсь, мне было очень не по себе от сознания, что, став новым свидетельницей отвратительной сцены, я ничем не помогла Расулу. Но постепенно взволнованный, доверчивый его рассказ и события на соседнем балконе складились, опустились куда-то на дно памяти. Как всегда случается в жизни, их затмили другие дела, другими людьми.

В тот же миг снова пришлась ехать в Баку. Пока поезд преодолевал полуторатысячное расстояние от Москвы до столицы Азербайджана, миссия о судьбе Расула и его Саадат не давала покоя. Память возвращала все подробности этого странного знакомства, а угрозы звония подогревали желание найти Расула, узнать, где он и что с ним.

В Баку, отложив все дела, я сразу же занялась поисками. Управляющий банком недоволен и холодно ответил, что Гаджиев уже давно не работает и о его судьбе ничего не известно. Я насторожилась. А вдруг парень все-таки не ушел перед искушением? Услыхав это, я схватила сумку и отправилась туда. Открыла магазин Саадат и увидела его опять. Слушала, что жене интересует Гаджиев; она нервно передернула плечами и сказала с нескрываемым раздражением:

— Не знаю! Не знаю, где он. И знать не хочу!

— Саадат? — осторожно спросила я. В ответ Сунапанова с силой захлопнула перед моим лицом дверь.

Так же, как год назад, цвели олеандры, опускались розы. Грелись на солнце спокойный, притихший Гаджиев. У самой набережной чуть слышно шептались его зеленые волны. Так же, как год назад, город был красивым и светлым. Но даже обявление такой большой красоты не могло сгладить тяжелого настроения.

Через несколько дней, выбирая маршрут поездки по республике, я обратила внимание на неизвестное название города. Там когда-то секретарствовал Расул. Работник ЦК КПСС Азербайджанской края сказал мне, что в район этом большая комсомольская организация и туда тоже хорошо бы заехать, тем более, что по пути.

Марина промчалась по щоссе через густой лес, пересекая реку, оставила далеко слова «единой берег» с нагорно-кайдановскими природными камнями, вырвалась на простор. Мой спутник заговорил что-то о посевах хлопка, о курсах агротехников и вдруг назвал знакомым фамилию.

— Кто? — торопливо перебила я.
— Гаджиев... — повторила он.

Я отонулась на склону сиденья и опять попытавшись сделать вид, будто внимательно слушаю его. Но он, видно, заметил мое беспокойство, прервал рассказ и участвию спросил:

— У вас есть знакомый Гаджиев?
— Да... Ставший я... Расулу...

Парень вскинулся и меня удивленные глаза и неопределенно произнес:

— Неужели?

И не успела я спросить, где Расул сейчас, что с ним, как спутник, будто прочитав мои мысли, сказал:

— А вы не знаете, какая произошла с ним история?

* * *

Разговор на гостиничном балконе имел продолжение.

Вернувшись в номер и плотно прикрыв дверь, гости снова подступили к Расулу.

— Платнадзэр, прохрипел заведующий ювелирным отделом, обладавший пыльного, отвратительного баса.

Это была роковая цифра. По убеждению Саадат, только с нее могло начаться семейное счастье. Наверное, в тот миг Расул видел перед собой чистые раскосые горячие глаза, видел обставленную прекрасной талинским местью гостиницу в их новой квартире.

Он не произнес ни слова. Но когда заведующий ювелирным отделом через три дня принес ему в портфеле платнадзэр тысячу и при этом ободряюще потрепал по плечу, словно благословляя в новую жизнь, Расул швырнул на пол портфель и дико избил его ногами. И потом позвонил в прокуратуру и попросил кого-нибудь из сотрудников зайти к нему в номер.

Так в самом начале кончилась «выгодная карьера» Гаджиева. Так молодой двадцатилетний парень поборол в себе слабость, трудно и больно решил вопрос: каково оно, его счастье?

...Мы подъехали к кирохоному, потонувшему среди сли и черешен домуки. Шофер просигналит, и из капотки вышла тоненькая, стройная девушка.

Она была одета в белое платье и смотрела на нас с любопытством, чуть раскосыми глазами. Девушка подняла к лицу спутнику смуглую руку и тепло сказала:

— Заходите в дом! Расул скоро вернется. Он в райкоме.

Фото М. Муразова.

«В ЧЕЛОВЕКЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕ ПРЕКРАСНО...»

Борис ЕГОРОВ

...На земле появился новый человек, новый советский гражданин. И с первых же дней своей жизни вместе с лаской родителей он ощущает ласку Родины. Государство забывает о том, чтобы он вырос здоровым и жизнерадостным, чтобы он получил образование, развил свое способности и таланты. А когда он окончит школу и станет взрослым, перед ним откроются широкие дороги. Выбирая любую. Осуществит свои мечты. Дерзай. Ты хозяин тех богатств, которые завоеваны отцами и дедами на октабрьских баррикадах. Тебе принадлежит все то, что создано предыдущими поколениями строителей социализма. Наследие, переданное тебе, ты должен хранить и умножить. Велика и почтена твоя задача! Но чтобы выполнить ее, надо вооружиться всеми знаниями, надо воспитать в себе черты характера, которые отличают советского человека: любовь к социалистической Родине, преданность делу партии, чувство коллектизма, жажду деятельности, готов-

ность преодолеть любые трудности. Гражданин ССРР — знаменец новой культуры, новой морали. Ему присущ высокое благородство и цельность натуры. Он вырос в обществе, где нет антагонизма, где люди объединены стремлением к общему великой цели — к коммунистическому обществу. Извините друга товарища. Таких отношений, которые существуют между людьми в нашем обществе, ранее никогда не было ни в одной стране, ни в одном государстве. Эти отношения породила социалистическая деятельность. Но мы знаем, что новое приходит не сразу, не вдруг и старое тоже не исчезает в мгновение ока. Поэтому мы сталкиваемся иногда с некоторыми явлениями, которые гармонизируются с нормами коммунистической морали и нашей советской этики.

Многие читатели, приславшие отклики на статью «Красота человека» пишут о том, что надо усилить борьбу со «стилягичеством» (М. Запороженко, К. Иванов и другие). Но они осуждают главным образом только «стиль» в одежде. Это неверно. То, как человек одевается,— лишь одна

сторона вопроса. Следовательно, нужно смотреть глубже. Допустим, что некий юнец под влиянием критики перестал носить желточекатые пиджаки с инспадающими плечами, снял с себя галстук, на котором изображен великан с хвостом, мартышка, построил гармошку из дерева. Не изменился ли он при этом внутренне? От перемены пиджака до отказа от дурных привычек, вкусов и манер — большая дистанция. Суть в том, что «стиляги» — это прежде всего мещане, люди плохо воспитанные, чаще всего тунеядцы, люди, ничтожно мало или ничего не сделавшие для общества, но с большой претензией. Здесь очень полезно вспомнить слова А. М. Горького: «...если у тебя подпорченного человека в мещанине начинается там, где человек, теряя сознание своей действительной социально-культурной ценности, дает широкий простор скрытому в нем древнему индивидуализму мещанина и критичности». Я такой прелестный, оригинальный, неповторимый, а жить мне по золе моей не дают. Вот такие «оригинальные, неповторимые» люди, к сожалению, встречаются

и сейчас. Доброго имени у них нет, они не заслужили его. Но им хочется заявить о своем «я», както выделиться. И они подчеркивают себя эксцентрическим поведением, вычурной одеждой. При этом в одежде подражают некоторым западным образцам. Но замечу, что это не всегда хорошо, а плохое. Это же относится и к музыке и к танцам.

Мне кажется, что читатели соглашаются со мною. Не согласен будет только некто Якобсон, приславший раздраженное письмо из Ленинграда. Он считает, что «все эти дискуссии в журналах по поводу поведения и «хорошего тона» излишни и что «надо подумать о прекращении творческих так называемых стихий». Но может Якобсон придерживаться каких-либо общепринятых норм, кричит: «А жить мне по моей воле не дают!»

Мы должны огорчить «мятежного» автора письма и сказать, что жить по своей воле возможно только на «Небитомом острове», будучи на нем в единственном числе. Человек же, находящийся в обществе, придерживаясь определенных норм поведения, воспитывает свою личные вкусы в соответствии со вкусиами общественными.

В прошлом номере «Смены» было опубликовано письмо читательницы Е. Олениной. Она рассказывала о гробоватом молодом человеке, которому ничего не стоит явиться на свидание с девушкой в спортивной майке, в шароварах и тапочках. Когда ему делают замечание, что этим он

ставит девушку в неудобное положение, он отвечает: «А если так мне «правится» герой письма Е. Олениной убежден: «Только женщины могут глупо гнаться за модой, а настоящий мужчина должен быть верен своему «личному вкусу»: сам себе законодатель». Вот от какой, «канаристки! Тот же «стиль», только наоборот. Человек, подводящий теоретическую базу под свою непростиранность и макултуру.

Надо заметить, что так называемые «макултуры» не являются посвятыми своим письмам любователи. Это не случайно. Мы находимся в быту сестричками, циничного отношения к девушкам, к женщинам со стороны молодых людей. Об одном из таких возмутительных фактов рассказываеться в письме, которое переслано в редакцию Н. И. Подколодной (Кемеровская область, пос. Мазас). Письмо написано его племянником Сергеем. Я приведу его полностью:

«Дядя Коля! Вы хороший человек и относитесь ко мне по-хорошему. Я уважаю вас и прошу напечатать мое письмо. Речь идет о том, что вчера ребята работы я осматривалась возле строительной вагонки. На штабелях шатали сидни ребята. Федика Милюзин, разбогателый парень, любитель выпить и пошуметь, бахвалился, рассказывал им о том, как он обманул девушку. Наверно, он говорил о М. С., соседе строительства. Ребята его внимательно слушали и громко смеялись. Федика сказал: «Она говорит: ребенок будет. А я ей отвечаю: что меня не касается. Она: как же так, Федя? А я: вот так. С ребенком ты мне не нужна».

Я не выдержал и назвал Федику подлецом и пошлюхом. Он прервал меня и сказал: «На меня, надавили штаны на брови и сказали: «А ты сплонявший романтик!» — и сплюнули. Ребята снова захочатели. Одни из них даже поплыли к Федье: «Ловко ты его отбрал!»

Я был поражен: никто не поддержал меня. А ведь я знаю, что многие из тех, кто присутствовал при этом, — хорошие парни. Я даже уверен: в душах они не согласны с Федькой, за глаза отзываются о нем неодобрительно, а к девушкам относятся хорошо, по-товарищески.

Но почему же они смеялись не над Федькой, а над моей Малодущностью? Безразличие! Мне трудно понять».

Да, товарищи, которых Сергей называет «хорошими парнями», смалодушники, безразлично относящиеся к чужой судьбе, явно пали под влиянием пошлости и цинизма. Пока это влияние заметно лишь в том, что им представляется удовольствие сидеть и слушать грязную болтовню Милюзина. Вместо того, чтобы одернуть своего расложившегося дружка, осудить его, чтобы и сам он одумался и девушки знали, кто он такой, — вместе всего этого товарищи одобряют его поведение. Сегодня они ограничиваются «созерцанием» малодушных похождений, затиранием другого по его стопам. Так ведь и является иногда. Дурное заразительное. Юноши, еще не имеющие твердых, устойчивых взглядов на жизнь, не являющийся еще окончательно сформировавшимися человеком, вдруг начинают черпать жизненный опыт не там, где на-

до. Ему хочется поскорее стать взрослым, бывшим. И плохо, если рядом не окажется наставляющего воспитителя, который направил бы молодого человека по верному пути. Таким воспитателем должен быть прежде всего отец. Меня спросят: а матеря? Да, и матерь. Но часто случается так, что сын, позорясь, постепенно выходит из-под ее контроля и ей трудно бывает проникнуть в его «скрепы». Воспитателями должны быть и старший товарищ по комсомолу, и мастер на производстве, и сосед по квартире. Неправильно подглядывать некоторые взрослые люди, когда они делают факты недостойного поведения того или иного молодого человека, становясь в сторону и говорят: «Это же не наша Витенька (или Петенька). Пусть делает, что хочет. Так может сказать только обыватель, который видит не дальше стен собственной комнаты».

В продолжение этого разговора, мне кажется, надо вспомнить письмо Н. Кручининой. Он рассказывает о неудачном браке тракториста Василия С. и досягшей Марии: через год после свадьбы они разошлись. «Почему же так произошло? Ответ на этот вопрос зависит, если вспомнить, какие ошибки были у Василия и Марии, до которых они поподженились». Василий честно признался на свидании в нетрезвом виде, называя свою девушку Маникой, не стесняясь в ее присутствии, произнозил самые грубые слова. А Мария не придавала этому значения, старалась не замечать недостатков своего будущего мужа. Василий, конечно, заслуживает резкого осуждения. Но... продолжает автор, — виновина и сама Мария. Она не пыталась даже заставить уважать себя. Где же была ее девичья гордость? А гордость должна быть у каждого человека!

Очень первый вывод. Гордость не значит, это — качество благородное. Правда, в девахе, которая держится строго для патристов, горой говорит: «Бог кая — задастся!» Но это только слова: ту, которая «задастся», больше уважают и любят. Такая девушка бывает требовательной по отношению к другим людям; находится вместе с ней, она не позволяет себе какими-либо вольностями, отступлением от принятых правил поведения, чувствует себя подтянутой. Это хорошо и для них и для нее: она умеет поставить себя.

И этой связи нельзя не сказать о письме Тамары Шароновой. Вопрос, который она задает, на первый взгляд, кажется странным: Т. Шаронова пишет: «Сейчас я работаю электромехаником в одном из колхозов Якутии; приехала сразу после того, как окончила школу. Одни из них недавно сказали мне, что раз у меня «хумкая» работа, то, чтобы добиться хорошей ее постановки, доказать иногда свою правоту, я должна уметь и кричать и ругаться, говоря его словами, суметь вести себя в мужском обществе». Как должны вести себя девушка среди мужчин, если ей приходится руководить или на производстве? Странно?

Кричать, тем более ругаться, не позволяют никому. Тем, кто доказывает свою правоту, прибегая к подобным средствам, расписывается в своем собственном бесстыдии, в неумении убедить

других. Руководитель, независимо от того, мужчина он или женщина, не окажется наставляющим «принципиальностью, справедливостью, знанием дела, организаторским способом мыслей, умением подойти к людям. Но умение это вовсе не состоит в том, чтобы сдабривать речь сорными словечками.

Письмена Т. Шароновой косвенно затрагивают очень важный вопрос — вопрос об этике руководителя. О нем следовало бы поговорить особо, это предмет специальной беседы. Мы сейчас ограничимся лишь тем, что сделаем несколько замечаний.

Недавно газета «Комсомолец Таджикистана» сообщила о том, как секретарь райкома Красногорского района ВЛКСМ Фадиль Хасанов и заведующий отделом Лиза Гарифова «перевоспитали» сотрудницу райкома Людмилу Цценко. Она, руководитель комсомольских работников, посещает, видите ли, танцевальную площадку, позволяет себе петь, смеяться и плясать с несносной молодежью. Да это же подрыв авторитета райкома!

Вызванная на беседу, Цценко не согласилась с доводами наставников и ответила:

— Товарищи, но что вы надумаете, как индюк, разговаривая с комсомольцами? Нужно быть проще. Больше жизни, тушок, смеха. А то ведь комсомольцы уже предлагают над входом в райком вывесить объявление: «Оставь улыбку, всякая склада входящих!»

Но Хасанов и Лютюп были не преклонены:

— Понимаешь, что ты говоришь и делаешь? Где твои осанка руководящего работника! Где строгость и внушительность? Где дистанция между собой и рядовыми?

Прочитав об этом, я вспомнил, что встречал иногда комсомольских работников с «руководящей оконской». Пришел к нему, а он сидит за столом в монументальном позе, как из гранита высеченный. Здоровается, не поднимая головы. Спросил: «Деланный критик», — и вдруг: «По какому вопросу?» «Задавайте», — не утомляясь полными фразами, предположил одновременно вопросы и ответы или мысленчика. И сразу чувствую, что между ним и языком большой дистанции. Но в его лицу поплыла она?

Не понимают человек, кто, надуваясь, подчеркивая свою положение, стараясь придать себе «строгость и внушительность», он поступает просто невоспитанно, обнаруживает недостатки собственной культуры, следит дурному тону. О таких иронически говорят «действия». Кстати, тот, кто пытается «создать дистанцию», вступает в противоречие с принципами нашей советской культуры. Руководитель подобного рода не может завоевать уважения и авторитета. Ведь поведение, привычки, манеры очень много говорят о человеке. Порой большие, чем слова.

Здесь мы подходим к вопросу, который некоторым читателям кажется спорным. Н. Малкин, например, пишет: «Проблема поведения не сводится к условию некоей суммы правил. Главное — внутренняя красота». На таком же тоне зреют и Г. Кривцов:

«Существует толково-швешина красота человека, а не его красавица внешность. Не внешность, не

одежда красят его, а внутренняя красота». Да, конечно, если человек с гнильцами, то его ничто не спасет в глазах других. Но если человек честный, трудолюбивый, с добрым сердцем! Он станет во всем лучше, краснее, когда выйдет на улицу. Умение вести себя, чувство такта, умение находить слова этикета, будет следить за своей внешностью, научится со вкусом одеваться и т. д. А ведь все это не от рождения дается. Одно дело — просто человек с хорошей душой, другое дело — человек, который plus к тому воспитан, обладает нужными качествами внутренней и внешней культуры. С таким всегда приятно разговаривать, он обладает каким-то дополнительным обаянием.

Мне кажется, что формулировка «普遍存在 существует только душевная» не совсем корректна, надо считать в известной степени демагогической. Представьте себе, что-то юноши говорят: «Душа-человека должна дружить умеет; к тому же и мастер на все руки, и начитан, и спортом занимается. Но видите мы видим, что этот «душа-человек» разгуливает по улице, заложив руки в карманы брюк; беседует со встречистами другим, сплевывает через зубы на тротуар; входит в двери магазина, отталкивает других; наступает на ноги, как Собакевич; а вернувшись поздно вечером к себе в спальню, когда товарищи уже спят, зажигает свет и на торопах, начиняя раздеваться, наставляет при этом, как говорят, «копулярные мелодии». Сколько он изза этого теряет, несмотря на свои многие хорошие качества!»

Читательница Л. Мурашова пишет: «Многие молодые люди по-прежнему ставят себя в смешное положение теми или иными нелепыми поступками. И чаще всего это бывает не потому, что человек не хочет поступать, как полагается, а потому, что его никто не научил правилам культурного поведения. И здесь надо бросить упрек прежде всего школе. Наша школа не подчас подчас внимание только на пропаганду успеваемости... Но мало сознанием ребят с географией, физикой и химией — надо научить их хорошими, культурными поведением. Если, например, с детства воспитан в духе внимательности к другим, если он со школьных лет привык опрятно одеваться, следить за своими поступками, также он останется на всю жизнь». К этому безусловно верному мнению присоединяется также Г. Васильева, В. Емельянов, А. Жидкин, А. Кузнецова, И. Пахоменко и другие. Они, в частности, предлагают улучшить преподавание пения, уделить большое внимание изучению музыкального языка в драме, а также старших классах, начиная с бы экспериментальным порядком, ксерогранзиновыми уроками, где бы школьники знакомились с танцами, с домоводством, с необходимыми правилами того, что мы называем «внешней культурой».

Принявшее участие в обсуждении статьи «Красота человека» Т. В. Абрамова, В. Богословский, А. Добротворский, Г. Нужкова пишут о необходимости выпустить книгу о правилах «хорошего тона». Молодежь к такией книге привлечет самый живой интерес. Ведь сейчас, сообщают читатели, в Мо-

ске, Ленинграде, Одессе ходят, по рукам «на правах рукописи» всяческого рода «полезные советы». В них зачастую больше откровенной чепухи, чем действительно полезного. Надо же как-то платить им за «записи». Платят за это деньги. Так зачем же вялые деньги пускать на самотек, отдавать на откуп неизвестно кому? Не лучше ли заняться им издательством и выпустить сборник, подготовленный специалистами, сборник, который будет отвечать всем необходимым требованиям?

Пора подумать также и о творчестве молодежи в гимназиях. Ведь они тоже имеют большое воспитательное значение и украшают нашу жизнь. В последнее время все чаще стали проводиться, например, комсомольские свадьбы. Многие из них проходят весело, красиво. О таких свадьбах не раз писали в газетах и журналах. Но бывает и по-другому. Недавно моя рукопись о пропагандистской биографии не одну из таких свадеб. На второй странице его была напечатана программа:

1. Вступительное слово секретаря комсомольской организации;
2. Доклад о значении семьи и брака (докладчик из Общества по распространению политических и научных знаний);
3. Неподтвержденное слово директора;
4. Выступления кадровиков;
5. Регистрация бракосочетания;
6. Заключительное слово представителя ЗАГСа.

Да, это все, что хотите, только не свадьба: производственное совещание, собрание актива, конференция. А ведь могло бы быть и иначе, если бы, допустим, издательство «Молодая гвардия» выпустило небольшую книгу, в которой бы рассказывалось о том, как превратить комсомольскую свадьбу, чтобы это было не кичевое пропагандистское мероприятие, а хорошее, запоминающееся торжество со своим интересным ритуалом.

У нашей молодежи богатая фантазия, выдумка, изобретательность. Эти качества особенно ярко проявляются во время районных областных и всесоюзных фестивалей. Я не говорю уже о VI Всесоюзном фестивале, проходившем в Москве. У всех, кому посчастливилось видеть Московский фестиваль, приступствовать на нем, он останется в памяти всю жизнь как событие яркое, волнующее; при одном только воспоминании о нем даже у старика начинает молодо биться сердце.

Так пусть фантазия и изобретательность — в говорю, разумеется, о внешней стороне — будет перенесена и на «мысли» праздники, будь то праздники урожая в колхозе или школьный «День пищи», комсомольская свадьба или получение аттестата зрелости. Все это надо создавать не за горячим мгновением, а предвидя, всего собирая и распространяя тот полезный опыт, который уже накоплен молодежью разных регионов и городов.

Читатели «Смены» подняли много серьезных, важных вопросов воспитания.

В большинстве писем, поступивших в редакцию, авторы цитируют чеховские слова: «В человеке должно быть право проговорить и писать и одеваться, и думать, и мыслить... Да, именно таким, красивым во всех отношениях, мы хотим видеть каждого нашего советского человека!..

Путевка в жизнь

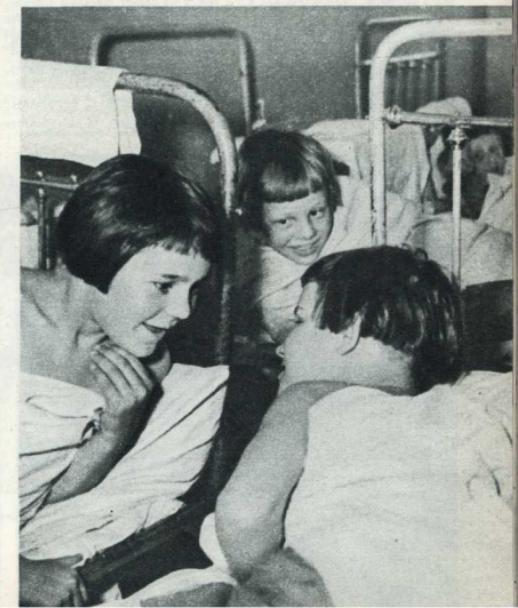
Все пути, все дороги открыты перед Светланой Петрухиной — воспитанницей института в Лопасне.

Фото М. Мурзова..

Кто из детей не любит поболтать в «тихий час»...

На станции Лопасня, недалеко от Москвы, близ города Чехова, раскинулась усадьба «Скирнино». Громкие угодья, парки, террасы, залы, эти места всегда привлекали богачами. Васильчиковы. Сейчас здесь расположился Институт трудового воспитания «Новая жизнь», организованный Советским правительством тридцать лет назад. В институте живут бывшие правонарушительницы и «дети улиц».

Институт хорошо оборудован, приветливо смотрит на гостей. Здесь прекрасная библиотека, насчитывающая около десяти тысяч томов, швейная и токарная мастерские, много спортивного инвентаря, музыкальных инструментов. В институте организован настоящий совхоз. Это большою хозяйством, в котором имеются крупный рогатый скот, стадо свиней, птичник, где разводят птицу, огороды, дуга. Условия жизни помогают трудовому воспитанию детей, которым с малых лет прививается дух коллектизма. Здесь верны принципу, высказанному когда-то Н. К. Крупской: «Ребят с юных лет надо воспитывать так, чтобы они умели сообща жить и работать». Именно эту задачу и решает педагогический коллектив института «Новая жизнь».

в своей работе опираются на лестней наиболее инцидентных на тех, кто до прихода в институт верховодил правоохранительными. Этот метод, как известно, не нов. Кто не помнит, как А. С. Макаренко завоевал сердце самого трудного своего воспитанника Карабанова! И так же, как у Макаренко, мы видим, как постепенно в институте меняется облик многих из тех, кто казался совершенно исправимым. Для всех школьников, бывших правоохранителей, жизнь здесь предполагает широкое поле для проявления своих способностей и талантов.

«Борясь за жизнь,— писала одна из воспитанниц Рязань,— я стала «словесным человеком», изучаясь врат, таскать то, что «плохо лежит». В институте я попала с характеристикой «ненаправимый». До этого я прошла около двадцати детских домов, но никогда не получала права, что я «ненаправима». Долгое пребывание в нем изменило русло моей дальнейшей жизни. Я закрыла на всегда дверь моего прошлого».

Интересна судьба другой девушки — Майи Меньшиковой. Майе едва исполнилось восемь лет, когда у нее умерла мать. Это было в 1941 году. Отец находился на фронте, и девочка осталась совсем одна. Соседи определили ее в детский дом. Но, как видно, Майе не нашла в нем ничего-то такого, что бы она хотела бы любить новое пристанище. В 1946 году она бежала из детдома и повела жизнь беспризорниц. Ее сопроводили в детдом, но она опять убежала, и о ней сложилось мнение ненаправимой.

Но вот в 1948 году Майя Меньшикова оказалась в Институте трудового воспитания. Вспоминая сейчас о том времени, Майя говорит, что это спасение. Она вернула себе здесь уверенность. Ей не напоминали о плохих поступках в прошлом, обращались как с равной, подчеркивали положительные качества, старались заинтересовать делом, учебой. Конечно, еще много времени прошло, пока она окончательно отвыкала от своих старых привычек, но жизнь девушки с каждым днем входила в нормальную колею.

На уроке русского языка в четвертом классе. Отвечает Люба Кобзева.

Майя Меньшикова вступила в комсомол, окончила десять классов и в этом году готовится поступать в Педагогический институт.

Знакомясь с жизнью института, можно убедиться, что все его работы по коммунистическому воспитанию детей строятся на труде. «Мы должны думать,— пишет Н. К. Крупская,— не только о том, чтобы дать ребятам известную сумму трудовых навыков, а чтобы воспитать ребят способными к труду, коммунистически, коммунистическому труду».

Наблюдая за детьми, можно заметить, что им близка радость труда. Первый свитер или кофточка, изготовленные своими руками,— все для них интересно. Девочки приучаются готовить обед, доить коров, работать на тракторе. Они успешно справляются со всеми поставленными задачами. Если мы спросим любую из бывших воспитанниц, что дали им институт, то она ответит просто: институт научил трудиться.

Из многих писем, адресованных воспитанниками, уже давно покинувшими институт и ставшими жителями, матерями, видно, что самая счастливая пора их детства — это пребывание в «Скуригине».

В институте создались хорошие традиции, которые передаются из поколения в поколение. Воспитанники знают, что там, где они живут, рождаются укусы чистые и красивые, что в мастерских на скотном дворе, на практических занятиях надо вести себя так же, как ведет себя рабочий на производстве.

Самая младшая из воспитанниц, которая у машины стоит на подставке, сознает, что она не просто девочка, а рабочая и ее продукция нужна.

А. С. Макаренко писал: «Стонт только поставить человека в нормы и условия жизни, предъявить ему определенные требования, и он станет обычным человеком, полноценным человеком нормы».

Блестящим подтверждением этих слов замечательного советского педагога служит деятельность института «Новая жизнь».

Н. СЕЛИХОВ, С. ВЕЛЬТМАН

ПРОГУЛКА ПО НЕБУ

Фото Г. Борисова.

Нажмите кнопки — и Солнце по-
слушанию останавливается на
небе. А если нажать другую
кнопку, то оно начинает двигаться
в обратном направлении — с
запада на восток.

Молодой паренек сидит за пуль-
том управления, и, повинувшись дви-
жению его руками, на экране по-
являются северное сияние, то
начинается «звездный дождь». Здесь
творятся чудеса и более удиви-
тельные: можно «сократить» сут-
ки до четырех минут; перенес-
ти на десятки тысячелетий в прошлос-
ти и увидеть своды глазами,
каким был в те времена небо-
свод; слетать в межпланетной ракете
на Луну, Марс, на Вене-
ру...

Где же возможны все эти чудеса? Они происходят в Московском планетарии. Здесь, в большом куполообразном здании, каждый может совершить увлекательную прогулку по небу. Только прежде чем отправиться в такое путешествие, надо предварительно, как следует, ознакомиться с нашими планетами. Это лучше всего сделать на астрономической площадке, устроенной возле пла-
нетария.

Переходя взад за экскурсоводом от макета к макету, мы узнаем много интересного. Вот глобус, по которому можно быстро определить время суток в любом уголке Земли. Вот другой глобус, позволяющий наглядно увидеть, почему вслед за летом наступают осень, зима, весна.

— Все дело в том, что ось Земли имеет постоянный наклон,—

поясняет экскурсовод.— А иначе

бы времена года менялись в пол-
ном беспорядке.

— А почему же Земля не пере-
вертывается? — спрашивают до-
тощие посетители.

В самом деле, почему? Какая сила заставляет землю ось дер-
жаться в одном положении?

Чтобы объяснить это, экскурсо-
вод показывает на шкафу прибор, на-
зывающийся «велоисследователем».
Оно совсем обыкновенное,
только ось сделана подвижной,
чем приятно.

— Если я попробую поставить
колесо на кончики оси, оно упа-
дет, — показывает девушка.— Но оно
становится постушенным, если за-
ставить его вращаться...

Колесо вертится, скрещивает
ось. Теперь оно крепко стоит в лю-
бом положении, сохранив тот на-
клон, какой ему придал.

Так и Земля. Сила вращения

помогает ей сохранять постоянный

наклон.

Экскурсовод идет дальше, и да-
лекие небесные тела словно при-
ближаются к слушателям.

— Источником нашей жизни
является Солнце, — говорит лек-
тор. — Оно дает Земле и свет
и тепло. Но мы еще мало исполь-
зуем его земные богатства. Подойдите к
солнечным «сплюшкам», вы уви-
дите, какие существуют широкие

возможности для применения
энергии Солнца.

«Плюшечки» на астрономической

площадке несколько. Одна из них

представляет собой металлический

цилиндр со стеклянной крышкой. На-

литая в него вода нагревается

солнечными лучами почти до ки-
пения. Рядом стоит более слож-
ная установка — «солнечный душ».

разрушается, не становится меньше или холоднее.

Много вздорных легенд создала религия о пластиах и звездах, мерцающих над нашими головами. Небеса обманывали нас, чтобы боязь, созданную нами бронзовую землю. Тех, кто сомневался в этом, жили в кострах, как Джордано Бруно, пытали в темницах, как Галилея.

Этая борьба тьмы со светом, правды с вымыслом, науки с религией продолжается и в наши дни. В Южно-Африканском Союзе даже существует, например, закон, который черным по белому запрещает «Бебблонд» (название Земли), находящийся в притворочине с библейской и может служить только для распространения атеистических и большевистских идей».

...Странствия в круглом зале Московского планетария по небу, мы видим удивительные вещи. Сложные приборы помогают наглядно и ярко представить себе, каким спутником облаков газа и мелких частиц, рассеянных в миллиардном пространстве, рождалась наша планета. Лектор рассказывает о том, как учатся учиться узнавать из каких веществ состоят звезды. И оказывается, в их состав входят те же самые химические элементы, какие есть и у нас на Земле.

Многих интересует, есть ли жизнь на других планетах. Чтобы проверить это, можно прислушаться к Марсу. Сложно упрощенное цветные диапазонов показывают, как меняется на протяжении года поверхность этой загадочной планеты: уменьшаются и тают белые полярные шапки у полюсов, темнеют, словно насыщаются влагой, пятна марсианских «морей». Мы не случайно берем слово «море» в кавычки: новые науки говорят, что это не водя, как полагали раньше, а территории, покрытые растительностью.

Советский ученый Г. А. Тихо вы уже полеква настолько изучает эту проблему. Он создал даже новую отрасль науки: астроботанику. Слушая рассказ лектора, просматривая схемы и редкие фотографии, мы как бы сами исследуем вместе с академиком Тихою планету Марс, распутывая одну загадку за другой.

Путешествуя по небу, мы можем побывать на Луне, можем увидеть черное небо, усыпанное немерящимися звездами (они не мерцают, потому что на Луне нет атмосферы, предотвращающей такое сияние), острые пики лунных гор, забурзенные пропалы кратеров, прошлости ущелий.

Но ведь планетария и само чество существует. Каждый день его грузят в голубой автобус и везут в подмосковный колхоз, в просторный зал завода или в фойе какого-нибудь кинотеатра, где проходят выездные лекции.

Темы этих лекций разнообразны, но среди них есть такие, которые пользуются особым успехом. Прошлой осенью, например, все хотели узнать побольше о противостоянии Марса. Сейчас

— Проверим время по солнечным часам.

оже побывать на Луне, можем увидеть черное небо, усыпанное немерящимися звездами (они не мерцают, потому что на Луне нет атмосферы, предотвращающей такое сияние), острые пики лунных гор, забурзенные пропалы кратеров, прошлости ущелий.

Вот почему планетария и самочество существует. Каждый день его грузят в голубой автобус и везут в подмосковный колхоз, в просторный зал завода или в фойе какого-нибудь кинотеатра, где проходят выездные лекции.

Темы этих лекций разнообразны, но среди них есть такие, которые пользуются особым успехом. Прошлой осенью, например, все хотели узнать побольше о противостоянии Марса. Сейчас

общее внимание привлекают Международный геофизический год и запуск искусственного спутника Земли.

Сейчас, останавливаясь у ворот заводского цеха. Установлен проекционный аппарат, затянуто белое полотнище экрана. На нем возникает изображение Солнца и нашей планеты. И мы узнаем о том, как влияют на жизнь Земли вспышки на Солнце.

Всем известно, что на некоторых углах земли в отдельные периоды вдруг прекращается радиосвязь на коротких волнах, а спутники коммуникаций начинают теряться, пестреть, отключать сепаратор от юга. Кто виноват в этом? Виновато Солнце, вызвавшее в атмосфере магнитную бурию.

Вспышки на Солнце влияют и на погоду. Они заставляют перемещаться в атмосфере Земли огромные воздушные массы. Правда, связь эта очень сложная и пока еще мало исследована. Новые данные о этом пока, несомненно, получат во время Международного геофизического года.

Лектор ведет нас от загадок к загадкам. За какой-нибудь час мы успеваем побывать и в Антарктике, и в знойных тропиках, и на Солнце, и в темных глубинах океана, познакомиться с различными проектами искусственного спутника Земли, который скоро засекретят блестящей звездочкой на небе, и вспомнить мифы о гигантских существах, живущих в морях.

Путешествия по небу, мы слова и слова убеждаемся, что нет на свете чудес в том смысле, как ведомы учил религия. Но есть иные, реальные чудеса. Ихтворят наука и техника, творят человеческий светлый разум, отвоевавший у природы одну сокровенную тайну за другой.

Г. ПАВЛОВ

...Сила вращения колеса помогает сохранить ему заданный наклон.

— А вот и солнечная печь, говорит экскурсовод, направляя на Солнце огромное вогнутое зеркало.

Железная пластина, помещенная в фокус зеркала, дымится и плавится. Еще бы, температура превышает три тысячи градусов!

Но это лишь первое знакомство с Солнцем. А чтобы взглянуть на него поближе, давайте побудем в здание планетария.

Затихают голоса, и в зале гаснет свет. Над нашими головами загораются звезды, необычайно чистые и яркие. Тихо звучит музыка, и сквозь почные тени, восходит Солнце.

Мы можем остановить его на паузе и приблизить к себе. Редкий вспышка света, сделанная помочью телескопа, позволяет нам увидеть совсем рядом этот оттененный шар. Затянуть дыхание, мы следим, как над поверхностью Солнца взлетают на тысячи километров пламенные вихри противоборцев.

Зимой прошлого года на Солнце произошел взрыв, равный по силе взрыву... миллиона водородныхombs. Людям, не знакомым с астрономией, такие явления казались катаклизмом, концом света. Их уже потрясли, что Солнце не скоро «разорвется на куски», что грех оно все меньшие, пятна на нем какие-то появились, а значит, не жди урожая...

Наука, отметая все эти бредня, раскрывает перед нами сложные процессы, протекающие на Солнце. Такие вспышки воне не редкость, они повторяются часто, и Солнце не остывает от них, не

МОЛОДЕЖЬ СЕНЕГАЛА БОРЕТСЯ

ти юношеских организаций, входящих в состав Совета молодежи Сенегала. Здесь можно было встретить делегатов Объединения демократической молодежи Африки и представителей Федерации молодых специалистов руководителей Культурного и научного союза и деятелей Католической рабочей молодежи. Несмотря на разнение политических и религиозных взглядов, участники съезда нашли общий язык, объединившись в своем усилии.

Первые два дня работы съезда прошли без каких-либо существенных осложнений. События, о которых я хочу рассказать, разыгрались после того, как делегаты приступили к главному вопросу — обсуждению приглашения Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля. С огромным вниманием был выслушан доклад секретаря Федерации молодежи Сенегала Пьер Алан Бадара. Когда оратор приступил к выступлению, стены дрожнули от грома оваций. Только представители властей, присутствовавшие на съезде в качестве наблюдателей, не разделяли общего воодушевления. Бывший министр колоний Бирюз в начале своей речи обратился к делегатам от имени правительства Французской Республики, а затем начал восхвалять «благодарность» колониальных властей. Оказавшись на съезде, он заявил, что на нем решалась вопрос о будущем молодежи Сенегала в VI Всемирном фестивале.

Колонизаторы, используя радио и реакционную печать, пытались запугать молодые силы страны, отвлечь их от предстоящего праздника юности. Кучка продажных писак из конки вон лезла, пытаясь — в который раз! — очернить прогрессивную политику венецианской Страны Советов.

В обстановке острой борьбы открылся съезд, на который съехались представители ста семнадца-

ти делегаты кричали: «Агрессоры! Свободу Алжиру! Свободу Камеруну! Негодование всех присутствующих было так велико, что Бирюз вынужден был покинуть трибуну. После этого прения возобновились. Делегаты горячо говорили о важности сенегальской молодежи, о ее блестящем стремлении установить дружеские связи с юношами и девушками всего мира. Единодушно решили принять участие в Московском фестивале, съезд в своих резолюциях заклеймил англо-франко-израильскую агрессию против Египта, колонизаторскую войну в Алжире и кровавые репрессии в Камеруне. Съезд также решил учредить Национальный комитет по подготовке к VI Всемирному фестивалю и провести демонстрацию протеста в связи с отказом колониальных властей выдать молодым сенегальским бывшим из страны.

Молодежь Сенегала встретила эти решения с подлинным энтузиазмом, ибо она искренне стремится к укреплению дружбы между юношами и девушками всего земного шара.

ПЕРЕД БУРЕЯ

После съезда страницы реакционных газет запестрели провокационными заголовками, различного рода измышлениями. «Молодые подстрекатели бросили Сенегал в объятия Москвы!» — всплыли из уст газеты «А». Ультраполитологическая газета «Эндепанданс», издававшаяся в Дааке, выступила с целой серией клеветнических статей, в которых тишилась доказательствами, что якобы «советское про-

никновение в Сенегал осуществляется через молодежное движение, что на «Московском фестивале африканцы будут проходить пропагандистские курсы и т. п. Революционеры в один голос привыкли к тому, что им неизменно востребованы распространение коммунистической идеи».

Однако эта инспирированная врагами мира кампания не имела успеха. Одно за другим осуществлялись решения съезда. Вскоре после создания Национального подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодые сенегальцы потребовали, чтобы власти нечины им препятствий в подготовке к фестивалю, чтобы каждый, кому посчастливится приехать в Москву, мог беспрепятственно получить визу.

Вотрене стоявшему запрету властей на проведение демонстраций на улицы, оцепленные вооруженными ми отрядами полицейских. В Дааке юноши и девушки собирались в африканском квартале города. Открытый митинг, председатель предложил собравшимся почтить минуту молчания, памяти молодых камарабуцев и алжирцев, павших в борьбе за свободу. Услышав предложение председателя, полицейские окружили зал. Это было на руку организаторам митинга. Они смело открыто опровергли все, что сегодня состоится демонстрации перед зданием Большого Совета.

ДЕН ГНЕВА НАСТИПЛ!

В назначенный время тысячи юношей и девушек выставлялись и транспаранты заполнили площадь перед зданием Большого Совета. Участники демонстрации направились к резиденции губернатора, а затем, по авеню Рум-дунлину к Памятнику павшим солдатам.

Неожиданно появился семь грузовиков с полицейскими. «Блюстители порядка» врезались в толпу и ранены несколько человек, в том числе председатель Совета молодежи Ба Абду Махамаду. Девушки и юноши, склонившись, когда полицейские сделали попытку арестовать одного из лидеров фестивального комитета, Пьер Алан Бадара, юноши и девушки смело бросились на выручку ему. Они окружили грузовики с арестованными товарищами, и полицейским пришлось спешно отправить машины в комиссариат, а самим следовать пешком. Из семи полицейских машин только две прибыли к месту назначенной остальные были оставлены на пустых улицах. Вместе с группой освобожденных друзей демонстранты двинулись к зданию комиссариата. Полицейские, укрываясь за железной решеткой ворот, пустили в ход слезоточивые гранаты. Но демонстранты добились своего: все арестованные были освобождены.

...Сочинение, о которых рассказывается здесь, останутся мрачными воспоминаниями колонизаторов. Но для молодежи Сенегала они послужат немеркнущим напоминанием о том, что впереди еще более решительных борь за свои права. «Мы гордимся этим днем!» — говорят юноши и девушки нашей страны. Они знают, что будущее принадлежит им. Звон покороненного колокола будет звоном тех, кто мешает молодежи Сенегала двигаться вперед, к счастью.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ

Новое создается человеком. И оно же служит ему, делая его жизнь более интересной. Об этом повествует автор в очерке «Золотое дно». Каждый гость встречалась с «хлебом-соли». И члены группы Шуры Кружилиной—главной героини очерка — увидеть стены не сухой земли, а живой, полной жизни. Гораей по ней «до самого Веселовского моря» будут катиться золотые волны спелых яблок. Ради исполнения этой мечты Шура трудится радостно и вдохновенно.

Читая очерк Владимира Соловьева, мы можем увидеть «обыкновенность» таких, как Шура Кружилина, Дуся Носкова и другие. Но это не значит, что они являются «обыкновенностью», что трудовой геройизм не в шумных рекордах.

Он заложен прежде всего в любви к своему делу.

Помимо рассказа о геройской жизни писатель отмечает темность полновесной жизни, теплоту чувства и, конечно, опущенность реальной жизни. Хорошо поговорить о «Одной смене» и понастоящему поэтических впечатлениях.

И все же, как бы ни были очевидны удачи писателя, следует сказ-

ать, что некоторые очерки не лишены недостатков. Пожалуй, главный из них состоит в том, что автор, сосредоточившись все внимание на героях, забывает о том, что в изведении, слишком торопясь дать широкому обобщение, подчас забывает о своих героях, о том, что они — «человеческих характеров». Часто он показывает только рабочий день, не показывая его перерывов. Они не знают ни сложных переговоров, ни трудных, видимых серьезных проблем.

В очерке «Рождение Энергограда» автору, к сожалению, не удалось создать запоминающиеся образы цилиндров. Его языки, конечно, белого, в стиле конструктивистов, сообщают о том или ином процессе, о том, что происходит, а кроме того и не успевает более познакомиться с ними.

Несмотря на некоторые недостатки писателя интересен, значительен и ясный, что отсутствие в очерке ярких образов не мешает ему выразить характеристики и иногда в общем поверхностное решение темы обеднит книгу, делает ее несильно однобородной.

Г. КОВАЛЕВИЧ

Издательством «Советский писатель» выпущен сборник «Золотое дно» Владимира Соловьева, «Золотое дно». Книга рассказывает о трудовых буднях рабочих деревни Соловьевка, в какой выдвинуты многие очевидные темы, связанные с физической красотой — красота мышц и помыслов. Трудовой геройизм спрятан в глубинах сюжета, но не в обычных: он рождается в буднях. И пусть сиренев твой труд, пусть незаметен твой подвиг — совершен он во имя прекрасной цели!

ЯШПАЛ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВЛАДЫКИ

Рассказ

Яшпал — один из видных прогрессивных писателей Индии, антиенный Борец за свободу. Он родился в 1885 году и посетил Советский Союз и написал о своей поездке книгу. Перевод Яшпала привнес в СССР большое количество рассказов, ряд романов, пьес, очерков.

Его величество шахиншах очень любил справедливость, о чем в один голос твердили его фавориты.

Пространение его справедливости доставляло величиму владыки истинное наслаждение, гораздо большее, чем то, которое он испытывал, сколько на пользу бы ему это ни было. Даже когда не без его же ярости бегам Нур-Харем не могло доставить шахиншаха, опьяненному легким вином, такого наслаждения. Он чувствовал себя высшим существом; каким не может быть никто иной. Ведь за справедливость люди будут помнить его даже тогда, когда он отойдет в иной мир. Он будет бессмертен!

Шахиншах заколет стать еще более справедливым. Рассудка об этом не было, но иначе бы владыка не должен был обходиться его праведным судом. Неважно, имею ли я его поданные хлебы, — правосудие они получат! Ведь корыстный народ — дело зевсившего земного владыки. Появится всевышний хлеб или нет — земные владыки совершили правосудие!

Затем шахиншах подумал: «Вообще-то для поддержания порядка и справедливости во всей стране не нужны ни судьи, ни муллы, надсмотрщики и другие чиновники. Но ведь они, в конце концов, тоже люди, их душа достаточно скромна и пристрастна, и пристрастно, и они могут поступить несправедливо. Долг шахиншаха — оберегать народ от несправедливости судей, мулл и надсмотрщиков».

Его величество шахиншах знал, что проникнуть к нему простым людям трудно: в его дворце, начиная с самого первого зала, стоит стража с обнаженными мечами. Поэтому шахиншах отдал приказ подвесить у окна его покоеv большой колокол.

По приказу его величества в гробе стали бить в барабаны, привозящие:

— Слушайте все! Указ владыки страны, наместника аллаха на земле! Каждый подданный, будь он знатный или простой буддист, сим удовольствуется, что из окна опочивальни великого шахиншаха, владыки мира, прибывающими народом, спущен колокол. Если кто-нибудь закочет искать правосудия, пусть ударят в этот колокол и изложат свою жалобу самому владыке мира!

Этот указ очень встревожил шахиншахов чиновников, судей и мулл. Они тотчас бросились к верховному судье и принялись жаловаться:

— Если шахиншах сам будет вешать правосудие, так что же делать судьям, муллам, чиновникам?

Верховный судья лица посыпал на грудь лупостью своих подчиненных:

— Скажите, от кого зависит, звонит ли колокол справедливости? На ком лежит обязанность охранять его, а?.. На нас, слугах его величества! Его величество шахиншах охраняет страну, а мы охраняем его священную особу и его колокол, так что... сами разумейте!

Судьи, муллы и чиновники, восхищенные умом и опытностью главного судьи, почтительно поклонились ему, благодаря за наставление.

И вскоре для охраны колокола, повешенного во имя торжества справедливости по приказу шахиншаха, была поставлена вооруженная стража. А сам шахиншах, сидя в своем покое, пил из хрустальных пиал охлажденное лыдом вино, которое собственноручно подносила ему бегам Нур-Харем.

Проходили дни, недели, но в колокол правосудия никто не звонил. И шахиншах был удовлетворен в его государстве нет несправедливости.

Однажды вечером, погрузив всю поклажу на своего быка, дхоки Будхава возвращался с реки

домой. Он очень устал и поэто-
му, забыв о звуке барабанов, съ-
пал в воротах дома и заснул.

Бык, пользуясь случайно пред-
ставившейся свободой, пошел ку-
да глаза глядят. Вскоре он забрался на рынок, хотел полакомиться па-
тойкой, куски которой были разло-
жены перед одной из лавок, но торговец при виде такой дерзоты непрошено гостя сквачил палку и огрыз был по спине, по-
сыпал проклятия по адресу его хозяина. Бык побреялся дальше, в конончики какого-то багча он по-
стигнулся, схватил синий зеленый трапезу. Но слуги угостили его кнутами и выгнали пропа-
ти.

Наслаждаясь неожиданной свободой, бык Будхава бродил по гор-
одским улицам и базарам. На его спине появлялись все новые и новые следы от ударов хлыстов и палок, но он не обращал на это внимания, шел и шел и наконец достиг стен шахского дворца. Уви-
дел спущенный из окна колокол, принял его в темноте за какой-то
лакомый кусок и потянулся к нему.

Стражники, приставленные для охраны колокола справедливости, драмали: ведь они охраняли колокол от людей, которые пожела-
ли бы искать правосудия, а до сих
же времени им не было никакого

беды. Едва бы, коснулся колокола, разразился гул. Стражники исполос-
ились. Но тут же поспыхалась го-
лоупруга, который дежурил у окна на шахиншахов спальне в ожидании сигнала колокола:

— Кто просит о милости его вели-
чества шахиншаха, владыки мира?
Пусть приведут жалобщика!

Стражники ничего не остава-
лось делать, как вести быка во
дворец.

Покачиваясь от вина, справед-
ливый шахиншах встал с готов-
ностью вершить правосудие. Но
увидев перед собой в качестве про-
ститутки быка, отступил, потерпев
глаза и склонив голову, смотрел, однако
бык оставался быком.

И тогда шахиншах пришла в голову мысль, что и скот, который живет в государстве владыки ми-
ра, как и его подданные, имеет право требовать справедливости.

— Изложи свою жалобу! —
приказал шахиншах быку. Но тот
не произнес ни звука. И тогда
шахиншах вспомнил, что ведь бык —
бессловесная тварь. Жрец правосудия сам должен рассказать,
что же это за подданные, которых
ничего не могут сказать.

Он снова внимательно взглянул на
просителя и увидел следы от удара-
ров на его спине. Шахиншах ста-
ло ясно, почему бык пришел про-
сить о правосудии, и он тут же
отдал приказ начальнику город-
ской стражи:

— Размаскирайте хозяина этого бы-

ка и привести его на суд!

Верный слуга бросился ревностно
выполнить приказ, и нанял дохо-
дчего Будхаву, доставил его к шах-
иншаху.

Твой бык жаловался нашему
величеству, что он был жестоко
избит! — обратился шахиншах к Будхаве и, повернувшись к слу-
гу, продолжал: — Пусть сошиб-
ают, сколько на спине этого быка
следов от ударов, и дадут на
городской площади столько же
плетей его хозяину!

Будхава, услышав приговор, за-
дрожал. Он пал лицом перед шах-
иншахом и стал молить его о по-
щаде:

— О защита мира! Я всегда лю-
бил и берег моего быка, я не

обижал его. Пусть кто-нибудь по-
品格 будет знать, что он видел,
как я был бык...

Шахиншах был очень удивлен
тем, что простой смертный осме-
ялся усомниться в справедли-
сти его решения. Но, вспомнив о
правосудии, шахиншах скрыл свое
огорчение и сказал:

— О глупый человек! Мне удив-
лены твоей смелостью. Возражать
против приказа шахиншаха — это
самый большой грех для поддан-
ных. Когда владыка державы сам
выносит приказ, подданному, несомненно, необходимы доказате-
ли или доказательства. Наша слуга
тебя арестовал, мы приговорили
тебя к казниению, следовательно,
ты действительно виновен!

Шахиншах закончил свою речь,
а слуга во исполнение справедли-
вого приказа его величества велел
заковать в кандалы Будхаву.

Когда владыка мира вернулся в
свой покой, бегам Нур-Харем
стала хватать его за преданность
делу справедливости. А шахиншах,
принимая из ее рук новую чашу
с вином, с удовольствием произ-
нес:

— О господин! Сегодня весь
мир увидел, что в нашем государ-
стве поступают справедливо не
только с людьми, но даже и со
святым!

Проверен с хиби
Ф. БОГДАНОВ.

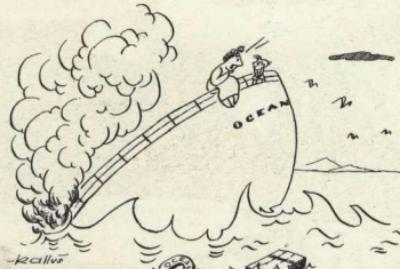
Улыбка гостя

Рисунки
Ласло Каллуша.

Самая большая радость моим художником — это то, что я смог принять участие в грандиозном Московском фестивале. Сколько рисунков я хочу передать другим в этих рисунках. Моя работа моя рисунки — это мое неизменное участие в фестивале.

К тому же я хочу добавить, что я живу в мире, который лучше в жизни, чем я, венгр Ласло, изобразивший себя на автопортрете.

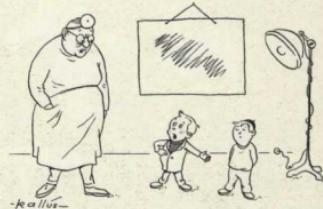
— Паршивый мальчишка, это опять ты натворил?

Если бывни протезные...

Фестивальная сцена

— Помогите, доктор, я проглатил монету!
— А зачем ты притянул сюда своего друга?
— Он требует свою монету обратно!

— Наконец-то я разделяюсь с моим мучителем!

Цена номера
2 руб.

